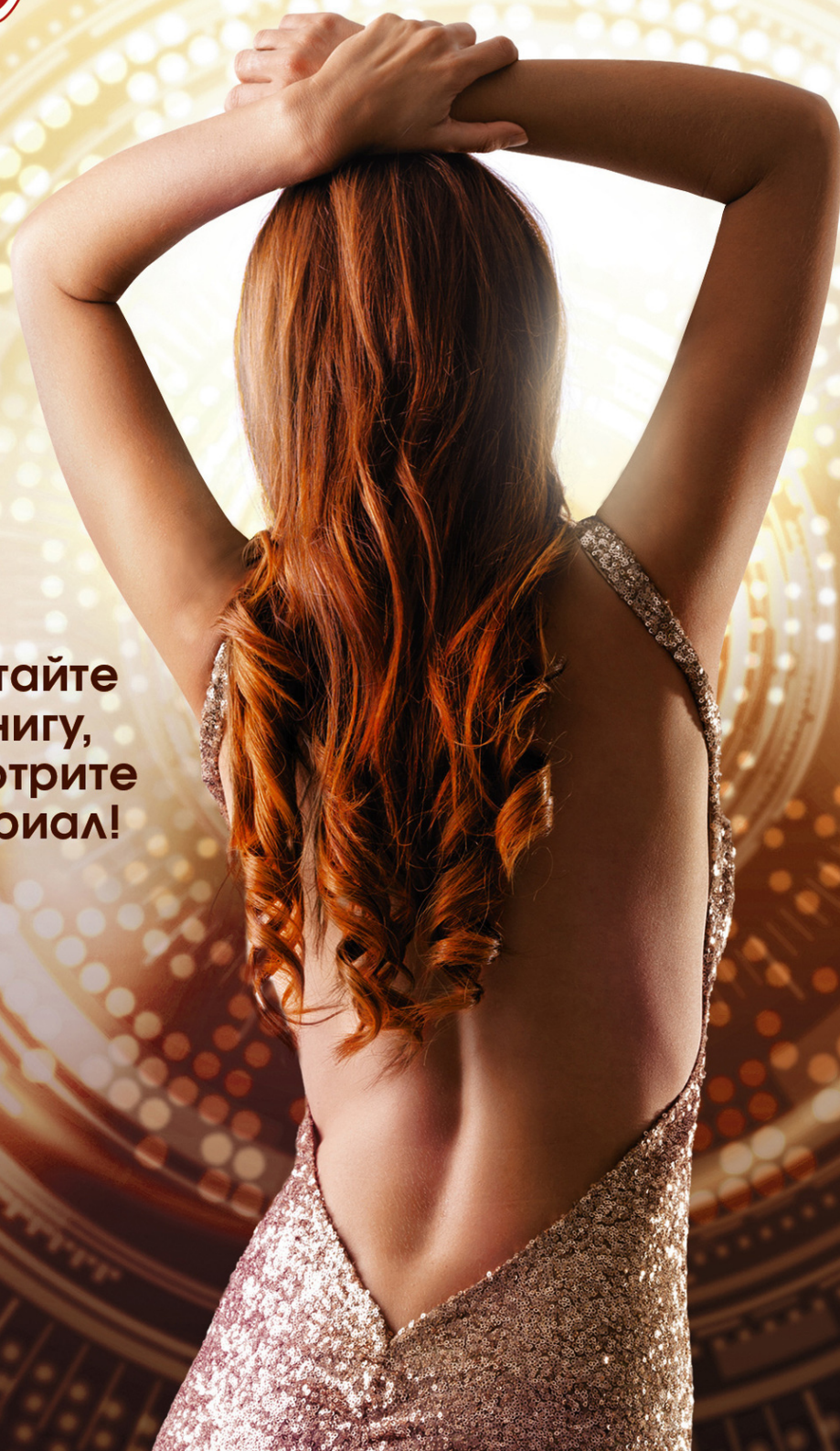

Ребекка Сери

ПОПУЛЯРНА и влюблена

Читайте
книгу,
смотрите
сериал!

Вместе и навсегда

Ребекка Серл

Популярна и влюблена

«АСТ»

2014

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Серл Р.

Популярна и влюблена / Р. Серл — «АСТ», 2014 — (Вместе и навсегда)

ISBN 978-5-17-101293-9

Простая школьница и юная актриса Пейдж Таунсен в один прекрасный день прилетает на Гавайи, где ей предстоит сниматься в экранизации одной из самых популярных книг современности. Съемки, премьеры, красные дорожки, бесчисленные поклонники — калейдоскоп событий завораживает девушку! И когда у нее появляются чувства к партнеру по съемочной площадке Райнеру Дэвону (к слову, самому сексуальному актеру, по версии многочисленных таблоидов), Пейдж понимает, что ее жизнь никогда не будет прежней.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-101293-9

© Серл Р., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	22
Глава 6	29
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ребекка Серл

Популярна и влюблена

Посвящается ГБГ, первому человеку, сказавшему, что я могу, верившему, что это возможно, и не позволившему мне пройти этот путь в одиночку.

«С мечты начинается ответственность».
Делмор Шварц

Пролог

Послушай.

Я расскажу тебе, каково это – быть с ним. Как он целует меня, касается моей щеки. Я расскажу, что он шепчет мне перед тем, как мы выходим навстречу восторженной толпе. Как он держит меня за мизинец, но только слегка, чтобы камеры не поймали наших прикосновений. Я расскажу о наших сигналах: одно подмигивание означает «всё в порядке, я здесь», два – «не отвечай на этот вопрос». Я все тебе расскажу, но пообещай ничего не записывать и никому не повторять. Пообещай, что это будет наш секрет.

Иногда, во время очередного интервью, меня охватывает сильнейшее желание рассказать всю правду. Прямо посреди беседы о моей любимой марке джинсов или еще о чем-то таком мне хочется сползти со стула на пол, сесть по-турецки и выложить все как на духу. Такой у меня характер. Я с легкостью доверяюсь людям. В старшей школе я поведала Холли Андерсон о том, что моя сестра беременна, и к обеду уже весь класс был в курсе. Я не знала, почему решила, что та сохранит этот секрет, ведь мы даже не были подругами, но что-то словно заставляло меня говорить. Мне нравится делиться с другими. Теперь это единственное, чего я совершенно не могу делать, и это ужасно нелепо. Но сейчас я уже ответила на все вопросы. Журналистка с планшетом в руках переминается с ноги на ногу и непрерывно поглядывает на часы, будто хочет поторопить минутную стрелку.

– *Seven*, – говорю я, потому что у нас с ними контракт. Последние полгода мне запрещено носить одежду других брендов.

– Мне они тоже нравятся, – отвечает журналистка. Она подмигивает мне, словно мы соучастники, а я вдруг осознаю, что даже не помню ее имени. Не думаю, что я вообще пыталась его запомнить. Здесь только мое имя имеет значение.

Мы выходим, я заворачиваю за угол и вижу, как он идет мне навстречу. И хотя он окружен людьми – рядом с ним Уайатт, Сэнди и еще две какие-то незнакомые девушки, он успевает заметить меня, и на несколько мгновений наши взгляды встречаются. Но я не могу до него дотронуться. Единственное, чего я хочу, – это подбежать к нему. Хочу, чтобы он обнял меня и увел туда, где будем только мы, а все прочее не будет иметь значения. Но это невозможно, потому что никто не знает правду. Ни Уайатт, ни Сэнди, ни даже Кассандра. Они думают, что мы просто друзья, что я принадлежу другому. Они не знают, что я допустила огромную ошибку: как и Август, я сделала неверный выбор.

Глава 1

– Ты знаменитость, Патрик!

Джейк подмигивает мне, а я закатываю глаза. Мы так шутим с пятого класса, после школьной постановки «Трех балбесов». Я сыграла там маленького мальчика, и до конца года все называли меня Патриком. Это даже отдаленно не напоминает мое имя – Пэйдж, но уже не важно. В моем классе мало кто отличался фантазией.

Я отвечаю так же, как и всегда:

– Ну, я хоть чем-то да прославилась!

На самом деле, я всегда отличалась от остальных. Как пуговица, попавшая не в ту петлю. Я уроженка Портленда, самая младшая в семье, страдаю осенней депрессией и... просто никуда не вписываюсь. Ни в свою семью, ни в родной город. Иногда мне трудно общаться даже с Джейком. Например, последние минут двадцать он читал мне лекцию о том, какой вред наносят здоровью молочные продукты. Только афиша моего последнего спектакля у входа в *Powell's*¹ заставила его замолчать. Мы повесили ее в прошлом месяце. Удивительно, что она все еще там.

Мы с Джейком друзья с самого детства, хотя и полная противоположность друг другу. Он тихий, очень умный, а еще – настоящий волшебник, который когда-нибудь изменит мир. А я болтушка и хотя учусь хорошо, ради этого мне приходится трудиться куда упорнее. У меня нет врожденных способностей Джейка к биологии или химии. Как, впрочем, и к любому другому предмету.

Кроме театра.

– Почему у тебя все еще нет нормальной фотографии? – спрашивает Кассандра. Она смотрит на меня, подняв бровь и теребя прядь волос. Кассандра небольшого роста, но у нее яркая индивидуальность – под стать огромной копне непослушных светлых кудрей. Удивительно, что в нашем энергичном трио актриса не она: я знаю ее с пяти лет, и Кэсс уже тогда была очень артистичной. Но она хочет быть морским биологом.

– Джейк обещал сделать, – говорю я, не отводя взгляда от афиши. Рядом с моим именем нет фото, только пустота. «Пэйдж Кто?» Я просила Джейка сделать фотографии как минимум месяц назад, но каждые выходные он ходит на митинги.

Джейк постоянно протестует. Против пластика, против строительства, против вырубки деревьев, против попкорна. Весь попкорн в кинотеатрах – генномодифицированный. Из-за этих кукурузных зерен наша жизнь укорачивается.

Кассандра бросает на Джейка уничтожающий взгляд и поворачивается ко мне.

– Если твоя карьера зависит от него, ты окажешься в отделе по переработке отходов. – Джейк пытается вставить слово, но Кассандра продолжает: – Это я к тому, что могу и сама сделать фотографию. – Она вытаскивает что-то из своей сумочки. – У меня новая камера.

– Не может быть. – Джейк выхватывает камеру у нее из рук, и Кассандра вскрикивает. – Как тебе удалось купить ее?

– Я работала няней, – гордо отвечает Кассандра.

– Отлично! Надо поснимать на митинге на следующей неделе. Если будут хорошие снимки, можно отправить их в газету.

– Снова митинг? – спрашиваю я. Я стараюсь, чтобы в голосе не прозвучало разочарование, но у меня не очень хорошо получается.

Джейк смотрит на меня с привычным угрюмым выражением.

¹ Крупный книжный магазин в Портленде. – Здесь и далее прим. перев.

– Они прекратятся, когда с загрязнением окружающей среды будет покончено. Когда люди начнут заботиться о животных. Когда возьмут на себя ответственность за себя и свою планету.

– Извини, – бормочу я.

Мне стыдно за то, что я не поддерживаю Джейка в его начинаниях. Я тоже хочу сделать мир лучше. Но иногда хочется просто сходить в кино.

Кассандра обнимает меня за плечи и разворачивает обратно к стенду с афишами.

– Может, в «Аладдине» в эти выходные будет что-нибудь интересное.

Мы разглядываем афиши, но я все время отвлекаюсь. Мне больше нравится смотреть, как Джейк вертит в руках камеру Кассандры. Я не видела его в таком восторге с тех пор, как в «Старбаксе» начали использовать биоразлагаемые материалы.

– О боже! – кричит Кассандра, и я тут же зажимаю уши, а Джейк едва не роняет камеру.

– В чем дело? – спрашивает он.

– Смотрите, смотрите, смотрите! – Она тычет пальцем в стенд. – Вы тоже это видите?

Я смотрю туда, куда она указывает: на флаер с изображением книги «Запертые». Эта книга, вернее, трилогия – новая страсть Кассандры. Пока вышли только две части. Их написала некая Паркер Уиттер, и они невероятно популярны. Мировой бестселлер. Там рассказывается о девушке, которая после крушения самолета оказалась на волшебном необитаемом острове. Вместе с ней туда попадает лучший друг ее парня. Он обнаруживает в себе сверхъестественную связь с островом, а потом они с героиней влюбляются друг в друга. Но она все еще любит своего парня, которого считает погибшим, потому что они трое летели на одном самолете. Сама я еще не читала, но Кассандра только об этих книгах и говорит, так что я в конце концов их погуглила. Результаты оказались впечатляющими: сотни тысяч видео на YouTube, сайты с обсуждениями и бесчисленное количество фанфиков. Судя по всему, Ной и Август теперь чуть ли не новые Ромео и Джульетта. Кассандра стояла в очереди в *Barnes & Noble*² еще до его открытия в день начала продаж второй книги. Третья и последняя книга должна выйти в ноябре.

– Прослушивание будет *здесь!* – верещит Кассандра и скачет вокруг нас.

Я приглядываюсь к листовке.

– Что еще за прослушивание? – спрашивает Джейк, возвращая Кассандре ее камеру.

– Для участия в фильме.

У меня внутри что-то екает, я поднимаю взгляд и вижу усмешку Кассандры.

– Что, заманчиво?

Несмотря на то, что Портленд собирает толпы творческих людей, здесь редко снимаются фильмы или проводятся кастинги. Все это обычно происходит в Лос-Анджелесе, где я даже ни разу не была.

Я умоляла родителей отпустить меня в Калифорнию, но каждый раз они говорят, что это только отвлечет от учебы. На самом деле они считают, что самому младшему ребенку в семье непрактично покупать билет на самолет без уважительной причины вроде свадьбы или похорон.

Это не значит, что я не хожу на прослушивания – но только на роли в любительских постановках. Моя афиша без фотографии как раз для одной из таких. Настоящий фильм? Такой возможности у меня пока не было.

Когда мне выпадает шанс сыграть в театре, мне постоянно дают роль детей. Несмотря на то, что мне семнадцать. Такое чувство, что я уже лет десять играю одну и ту же роль. С ростом в пять футов³ я ниже шестиклассника. У меня длинные и слегка волнистые рыжие волосы, не

² Крупная сеть книжных магазинов в США.

³ Примерно 152 см.

прямые и не выющиеся, лицо усыпано веснушками – да, все это не подобает ведущей актрисе. Но младшая сестренка? Это я умею. Интересно, есть ли в «Запертых» такой персонаж?

– Где именно будет прослушивание? – спрашиваю я и опускаю взгляд, делая вид, что мне все равно. Но Джейка и Кассандру невозможно провести.

– В «Аладдине» в субботу. – Джейк срывает флаер и вручает мне.

– Может, кто-то еще хотел посмотреть!

– Считай, что число твоих конкурентов только что уменьшилось. – Кассандра берет меня под руку. – Пообещай, что подумаешь об участии.

Она уже знает, что я буду там, и улыбается мне. А еще она знает мое первое правило: никому не говорить, что собираешься идти на прослушивание.

Я всегда готовлюсь к разочарованию. Возможно, это связано с тем, что я младшая в семье. В нашей семье есть негласный девиз: если ты ближе к земле, не так больно падать. Догадываюсь, что для родителей девиз работает. Оба они – учителя начальной школы, но, пусть это и замечательная профессия, они хотели другого. Мама мечтала быть актрисой. В молодости она участвовала в нескольких местных постановках, но бросила игру после рождения моего старшего брата. Она никогда не обсуждает это, но знаю, что она жалеет о своем решении. Однажды я искала ожерелье в ее шкатулке с драгоценностями и обнаружила конверт, полный билетов. Билетов на мюзиклы и спектакли, на которые она ходила. Там нашлись даже билеты из семидесятых, когда мои родители еще не были вместе. Вероятно, и на те самые постановки, в которых участвовала она сама. Разве стал бы кто-то хранить такое, если бы он не мечтал, чтобы жизнь сложилась иначе? Что касается меня, я не хочу, чтобы в итоге мне осталась лишь куча билетов в конвертике на дне шкатулки. Я хочу, чтобы на стене в рамках висели афиши с моим именем. Вот такие напоминания о прошлом я хочу – то, что смогут увидеть все.

Джейк кладет руку мне на плечо и произносит:

– Из тебя выйдет замечательная Август.

– Август? – Я изгибаю бровь.

– Что? – отвечает он с печальной улыбкой. – Я предпочитаю быть в курсе того, что сейчас популярно.

– Ты даже не представляешь, какие эти книги замечательные! – говорит Кассандра, наматывая прядь волос на палец. – Понятия не имею, как дождаться ноября, чтобы узнать, чем все закончится!

Джейк кивает.

– Серьезно? – восклицаю я. – Вам нужно основать фан-клуб.

– Я уже состою в одном, – отвечает Кассандра. – Мы встречаемся по воскресеньям. Или по вторникам, если ломка становится особенно сильной.

Джейк смеется. Я закатываю глаза.

– Ты сошла с ума.

– Но ты любишь меня, – воркует она, прижимаясь носом к моей щеке.

– Вопреки этому.

– Эй! – она отстраняется. – Эти книги – шедевр литературы.

– Ты так же говорила про «Из рая», но в итоге книги оказались про похотливых ангелов.

– Ангелов-хранителей, – поправляет Кассандра, перекидывая волосы через плечо. – Я не виновата, что ты не ценишь выдающиеся романы.

– *Выдающиеся* ценю, – говорю я.

– То, что ты читала «Стеклянный зверинец» семьдесят два раза, не делает его романом. Извини. – Кассандра морщит носик.

– Да, но это все равно шедевр литературы! – огрызаюсь я.

Не то чтобы я не читаю романы – просто не так, как пьесы или сценарии. Я люблю Джейн Остин, и я перечитывала «Над пропастью во ржи» раз семь с восьмого класса, но к сценариям

я все равно питаю особую слабость. Я уже прочитала все те, что когда-либо были в *Powell's*, то есть очень многие. У них есть всё, от «Ребенка Розмари» до «Идеального голоса». Мне нравится сидеть там в дождливые воскресенья и смотреть, какие новые сценарии к ним поступили. Некоторые я уже помню наизусть, и перелистывание их страниц сравнимо с чувством, которое испытываешь, когда слышишь первые ноты любимой песни по радио. Той, в которой знаешь каждое слово. В детстве я вставала перед зеркалом в своей спальне и повторяла строчки по памяти. Скарлетт О'Хара, Холли Голайтли. Я представляла себя Одри Хепберн или Мэрил Стрип в фильме, который увидит весь мир.

Я до сих пор так делаю.

– Итак, какие у вас планы на вечер? – спрашивает Кассандра.

Я смотрю на часы – подарок Джейка на мой пятнадцатый день рождения. Их стрелки выглядят как руки Микки Мауса, а на циферблате изображена его мордочка. Джейк выгравировал на них: «Мышонку от кота». У нас каждый год были такие костюмы на Хеллоуин: он кот, а я – мышонок. Он гонялся за мной по улицам, когда мы ходили выпрашивать сладости. Иногда я представляю, как в будущем мы садимся рядом и наша игра принимает совсем другой смысл. Он говорит что-то вроде: «Я гонялся за тобой годами, и теперь ты наконец моя». Глупо, конечно, но это было бы неплохое начало для романтической истории.

Для протокола: мы целовались дважды, но после первого года в старшей школе это больше не повторялось. Джейк остается первым и единственным парнем (за исключением одного мальчика в летнем лагере), который когда-либо меня целовал. Но мы никогда не были вместе и не готовы пожертвовать нашей дружбой ради отношений. Размышления о том, чтобы начать встречаться с Джейком, напоминает мне задачу, у которой нет решения.

– У меня сегодня работа, – отвечаю я.

Каждое лето с седьмого класса я работаю в «Пустыках и безделушках» – бутике, где продаются разные мелочи и где, как и во всем Портленде, пахнет пачулями. От меня всегда несет ладаном, когда я прихожу домой, но в целом там очень даже ничего. Посетителей немного, но при этом неплохо платят.

– Не хочешь посмотреть какой-нибудь фильм? – Кассандра слегка подталкивает Джейка, и он убирает свою руку с моих плеч.

– Только не тот документальный фильм про буддизм, который мы видели уже три раза.

– Как скажешь. Но ведь это была твоя идея посмотреть его в третий раз.

Она подмигивает мне, хотя ее подмигивание больше похоже на моргание. Кассандра так и не научилась закрывать один глаз, а второй оставлять открытым. Это одна из тех фишек, которые я в ней люблю.

Я люблю многие ее фишки. Она не знает, как играть в «классики», и ее любимые цвета – те, которые она придумала сама: «медовая ягода», крикетно-зеленый, «клоунский нос». Мне нравится, что она может честно сказать, когда что-то застряло у меня в зубах. Она искренняя. У нас никогда не было и нет секретов.

– Весело отдохнуть, детишки, – говорю я.

Джейк отдает мне честь, Кассандра целует меня в щеку, а затем они оба направляются к выходу. Я смотрю на смятую листовку в руке, а затем запихиваю ее в карман. Я тоже выхожу на улицу и иду к «Пустыкам и безделушкам». Мне не нужно запоминать детали прослушивания – я их уже запомнила. Я даже придумала, как буду отпрашиваться в субботу у своей начальницы Лори. Прослушивание начинается в три, но я уверена, что очередь соберется уже за несколько часов до начала.

Я знаю, что у меня нет шансов. Знаю, что вероятность получить роль так же велика, как и вероятность досчитать до самого большого в мире числа, но перед любым кастингом я чувствую одно и то же. Будто во мне живет надежда. Надежда на то, что в этот раз все изменится. Что в этот раз все пройдет по-другому.

Глава 2

Войдя домой, я сразу же слышу плач моей племянницы Аннабель. Я не знаю, что не так с этим ребенком, но она постоянно ревет. Упорство, с каким она добивается внимания, если честно, даже восхищает. Ей еще нет двух, но она, кажется, уже поняла – чтобы выжить в этом доме, нужно уметь заявить о себе, и пока у нее всё под контролем.

– Кто-нибудь дома? – Я оставляю свой рюкзак на табурете в кухне.

– Пэй! – кричит Аннабель.

Моя сестра Джоанна спускается по лестнице, держа Аннабель под мышкой, как футбольный мяч.

– Ты маму не видела? – спрашивает Джоанна. Ее лицо покраснелось, а волосы, похоже, мокрые.

– Нет, я только пришла. – Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на Аннабель. – Приветик.

Аннабель улыбается своей дурашливой улыбкой и протягивает мне крохотные пухлые ручки. Я забираю ее у Джоанны.

Как только я забираю Аннабель, плечи моей сестры устало опускаются и все тело расслабляется.

– Что случилось, Джо? Все хорошо?

– Хорошо! – повторяет Аннабель.

Старшие братья – их двое – живут отдельно, так что мы с Джоанной остались с родителями вдвоем. Идут разговоры о том, что Билл, парень моей сестры и отец Аннабель, собирается переехать к нам, но он только поступил в колледж, и ему ближе добираться туда из дома своих родителей. Его семья не позволяет Джоанне переехать к ним, так что пока он посещает ее и Аннабель только на выходных. Забавный факт: когда тебе девятнадцать и у тебя есть ребенок, но нет денег, родители контролируют тебя больше, чем тебе хотелось бы.

Моя сестра игнорирует вопрос и осматривает меня с головы до ног.

– Где ты была?

С тех пор как она забеременела, она считает себя совсем взрослой. К ее выпускному у нее уже был огромный живот, но она не переставала обучать меня тому, как надо убирать в своей комнате и что нельзя приходить домой после комендантского часа. Можно подумать, что из-за материнства она считает себя и моей мамочкой.

– На работе. – Я пожимаю плечами.

– И что ты делала? – Джоанна разглядывает меня.

– Продавала наркотики через черный ход.

Она закатывает глаза и плюхается на диван.

– Мама должна была прийти домой час назад.

– Не знаю, что тебе на это сказать.

Я глажу спинку Аннабель по кругу, но она пару раз моргает и снова начинает плакать. Джоанна поднимается с дивана и выхватывает Аннабель из моих рук.

Она вздыхает.

– Ладно, просто скажи маме, что я ушла.

Джоанна вешает на руку сумку, поудобнее берет Аннабель и направляется к двери. Аннабель машет мне, складывая ладошку, словно утиный клювик, а по ее щеке скатывается слеза.

После их ухода в доме наступает мертвая тишина. Я к такому не привыкла. Когда я была маленькой, наш дом был полон детей, и чем старше я становилась, тем больше народу меня окружало. К братьям всегда приходили друзья, а когда я была в пятом классе, Джоанна уже прикипела к Биллу.

Я вешаю рюкзак на плечо и тащусь наверх. Как только оказываюсь в своей комнате, достаю из своего кармана флаер, разглаживаю его края на ковре и начинаю разглядывать.

На переднем плане – черно-белый силуэт девушки, ее черты рассмотреть невозможно. В самом верху напечатаны слова: ПРОВОДИТСЯ КАСТИНГ НА РОЛИ В «ЗАПЕРТЫХ». У меня мурашки по коже. Так всегда происходит, когда я оказываюсь в зале театра или кинотеатра перед тем, как гаснет свет. Я ведь могла бы быть там, на сцене или экране. Люди могли бы знать мое имя, даже узнавать меня. Я бы уже не была маленькой Пэйдж, последней из Таунсенов. Я была бы единственной и неповторимой Пэйдж Таунсен. О, это предвкушение. Предвкушение того, что именно здесь и именно сейчас все может измениться.

У меня практически нет шанса получить эту роль, я знаю, но ведь кто-то должен. Почему не я?

Экран моего мобильного загорается. Кассандра. Она начинает говорить еще до того, как я успеваю сказать «алло».

– Мне кажется, я заснула уже на середине.

– Ты о фильме?

Она фыркает, типа «ясен пень».

– Что ты делаешь сегодня вечером?

Я сворачиваю листовку в руке, стыдясь того, что вообще держу ее. Сегодня вечером я репетирую. Сегодня вечером я читаю книгу от корки до корки.

– Я устала, – отвечаю я.

– Лори заставила тебя расставлять товары?

– Да. – Вранье. Все, что я сегодня делала, – это играла в войнушку своими пальцами за кассой. У нас сегодня были только два посетителя, и ни один из них ничего не купил.

– Здесь Джейк, – говорит Кассандра. Я слышу шорох и шепот, а потом она продолжает в трубку: – Может, нам попозже к тебе заехать?

Я представляю, как Джейк отказывается брать телефон. Он до жути боится облучения и не хочет носить с собой собственный мобильник, так что с ним сложно договориться о встрече. К счастью, он всегда с кем-то из нас.

– Отличная идея, – отвечаю я.

Джейк кричит «пока» – Кассандра, наверное, направила телефон на него – а затем разговор прекращается.

Я слышу шум отцовского автомобиля на подъездной дорожке. Не нужно смотреть в окно, чтобы знать, что сейчас он откроет дверцу, обойдет машину, возьмет свой портфель, проверит зеркала заднего вида и шины, дважды нажмет на блокировку и затем пойдет в дом. Он повторяет одни и те же действия с тех пор, как начал водить. Я представляю, как он делал все это, даже когда привозил маму в больницу рожать моих братьев, сестру и меня. Интересно, она кричала на него? За все свои годы я ни разу не слышала, чтобы мама торопила его, когда он осматривал автомобиль.

Я выхожу на лестницу и вижу, как он заходит домой. Папа каждый день носит галстук-бабочку. У него даже есть те твидовые пиджаки с заплатками на локтях.

– Ты выглядишь прямо как учитель, – говорю я ему.

Он поднимает голову и улыбается.

– Забавно, что ты заметила. Я как раз пришел из школы.

– Сейчас летние каникулы, – отвечаю я, спускаясь к нему. – Ты слышал о них?

– Учебные планы не дадут отдохнуть.

Папа – единственный, кто понимает меня в этой семье. И еще он самый тихий человек из всех, кого я знаю. Я даже не представляла, как рано он встает, до того, как в мой второй год в старшей школе записалась в команду по плаванию и начала вставать на тренировки чуть ли не

на рассвете. Однажды я спустилась вниз в пять утра, а он уже сидел там и пил кофе. Он сидел так спокойно, что если бы воздух вокруг него был водой, на ней бы даже рябь не появилась.

Когда я наконец оказываюсь внизу, он снова улыбается мне.

– Где твоя сестра?

Я пытаюсь вспомнить, куда, по ее словам, она собралась. Пожимаю плечами и иду за ним в кухню.

– Не знаю.

В отличие от остальных членов семьи, папа не препятствует моим актерским стремлениям. Сестра думает, что я слишком увлечена собой, а братья способны оценить только командный спорт. Мама думает, что актерство лучше оставить для мечтаний и любительских выступлений в городском театре, а не для «реальной жизни».

Мой папа не такой. Он никогда не говорил мне прямо, что об этом думает, но я чувствую его поддержку. Он любит повторять, что быть родителем – это как строить: один родитель должен быть самым зданием, а другой – фундаментом. Папа не отличается высоким ростом, но он надежный и крепкий. Если ты фундамент и у тебя четверо детей – ты действительно неплохо забетонировался.

Он кивает мне в ответ и направляется в спальню. Теперь он проведет вечер за починкой чего-нибудь сломанного. Папа всегда чинит все сам.

Я вытягиваю шею и выглядываю в окно – не подъехала ли моя сестра, а затем подхожу к ее книжному шкафу и провожу рукой по корешкам книг, пока не натыкаюсь на «Запертых». Не знаю, почему я делаю это тайком, она в любом случае разрешила бы мне взять книгу. Просто мне кажется, что если она увидит меня с книгой, она каким-то образом все поймет. Она узнает про фильм, и когда я не получу роль, все убедятся в том, что мои мечты пусты и безнадежны. С меня хватит такого отношения. И все же...

Чем ты пожертвуешь ради любви?

Эта строчка на задней стороне обложки заставляет мое сердце биться чаще. Я забираю книгу к себе в комнату и закрываю дверь. Вытаскиваю флаер из-под кровати и держу его в руках вместе с книгой. Девушка на обложке стоит спиной к читателям, но мы видим, что у нее рыжие волосы, в отличие от девушки с листовки. Они падают ей на спину, и она словно бежит навстречу океанским волнам. Они окружают ее, собираясь поглотить.

Я открываю книгу и начинаю читать.

Глава 3

Суббота проходит до абсурда медленно. В «Пустяках и безделушках» еще меньше посетителей, чем было в течение недели, и Лори решила провести семинар по ароматерапии в задней комнате. Хотелось бы мне знать, умирал ли кто-нибудь от передозировки аромата сандала?

Я закончила первую книгу вчера утром, прочитала всю целиком за один присест. И если честно, я понимаю, почему Кассандра постоянно говорит про этот роман и почему весь мир никак не может отложить эти книги в сторону. Они необыкновенны! И любовная линия очень и очень хороша. Это же мечта в самом чистом виде. Героиня, Август, и Ной, ее давняя любовь и лучший друг ее парня, остаются одни после крушения самолета, в котором, кроме них, летели тот самый парень и ее младшая сестра. Они узнают, что Ной – потомок жителей этого острова, и это дает ему магические силы. Силы исцеления, которые помогают ему спасти Август, чуть не погибшую в катастрофе, и... Я не буду раскрывать всех секретов. Просто скажу, что любить нелегко, даже если вы единственные, кто выжил в авиакатастрофе, и вас друг к другу тянет.

Я снова погружаюсь в чтение и дочитываю вторую книгу до половины, прежде чем спрашиваю Лори, можно ли мне уйти немного раньше. Она говорит: «Да, конечно». Точнее, она говорит:

– Сегодня суббота. Никто не приходит по субботам.

Я закрываю за собой дверь и вешаю ключи на крючок рядом с полкой с картами таро. Вытаскиваю свою сумку из-за витрины и, когда наклоняюсь, бросаю взгляд на свое отражение в зеркале. Мои волосы упали на лицо, щеки покраснелись. На мгновение я не узнаю себя. Это может быть кто угодно. Даже Август.

Когда я приезжаю на прослушивание, там уже бродят группки девушек. Это не удивительно, но все же впечатляет. У дверей «Аладдина», должно быть, собралось больше тысячи человек. Последний раз я видела столько людей в одном месте в тот день, когда брат взял меня на концерт *Muse* в девятом классе. Мы нечасто проводим время вместе. Я имею в виду, я и мои братья. Какое-то время Джоанна была близка с ними, но к моему появлению идея о младшей сестре уже была им неинтересна. Я помню, как удивилась приглашению Джеффа. Оказалось, он просто хотел, чтобы я следила за машиной, потому что найти бесплатную стоянку было нелегко. Он сказал мне:

– Ты можешь сидеть здесь и слушать музыку.

Я ничего не ответила, потому что боялась расплакаться, а когда мама спросила меня о том, как все прошло, сказала, что концерт был замечательным. Правда казалась мне слишком унижительной.

Я прохожу в зону прослушивания и вижу две очереди – для тех, кто уже зарегистрировался, и для тех, кто этого не сделал. Вторая очередь гораздо короче. Большинство девушек, в отличие от меня, готовились к этому. Все остальные уже получили бланки и заполняют их на планшетах. Кто-то сидит на стульях, кто-то – на полу, кто-то прислонился к стене.

Много кто пришли с мамами, и на секунду меня накрывает волна знакомой грусти. Моя мама сходила со мной ровно на два прослушивания. Первое было на роль в рекламе каши, когда мне было семь. Я помню, как увидела объявление в продуктовом и потом долго умоляла маму пойти туда со мной. Она не хотела, но потом папа убедил ее, что это не такая уж плохая идея и такая работа может впоследствии принести мне небольшие деньги. Я надела свое лучшее платье и туфли, которые мама подарила мне на то Рождество, и мы пошли туда, держась за руки.

Но на само прослушивание мы не попали. Мама увидела остальных девочек и решила, что никакой «актерской игры» там не будет.

– Это конкурс красоты, – сказала она. – Мы ни за что не будем в этом участвовать.

После этого я всегда ходила одна, и ходила тайно. Она поддерживает все проекты, которые связаны со школой или с театром, потому что думает, что они каким-то образом «способствуют обучению», но она с самого начала была против всего, что связано с фильмами.

Я подхожу к столу регистрации, где женщина с улыбкой, больше похожей на узкую полоску, протягивает мне лист бумаги. Я беру его, заполняю форму на краю стола и отдаю ей обратно, не забывая улыбаться. Взамен она дает мне номерок и отпускает меня. Сесть некуда, так что я прислоняюсь к стене и надеваю наушники.

На мой день рождения этой весной Джейк записал все саундтреки из моих любимых фильмов. Он даже загрузил их в мой айпод. Я могу слушать песни из «Магазина „Империя“», пока еду на велосипеде из школы или иду на работу.

Сегодня я решила послушать музыку из «Поющих под дождем». Этот фильм уже можно назвать старым, но я всегда любила классику. Фильмы без тонны компьютерной графики кажутся мне идеальным примером того, что называется кинематографом. Они более ценные. В этих фильмах работа актеров по-настоящему значима.

Звук голоса Джина Келли поглощает меня, и я сажусь спиной к стене, прижимая колени к груди. Я думаю о том, каково было бы получить эту роль. Каково участвовать в настоящем фильме. Доказать моей семье, что это больше, чем подростковая фантазия.

Я позволяю себе задуматься о том, каково было бы воплотить мечту в жизнь.

И вдруг я становлюсь Дебби Рейнольдс. Мои глаза закрываются, и когда говорит Дебби, говорю и я. На сцене. В свете софитов. Я настолько захвачена, что спустя несколько часов, когда меня наконец-то вызывают и я отдаю свой номерок, мое сердце все еще поет. А потом я произношу свои слова так, как это сделала бы Дебби. И когда они зовут мне в помощь парня, высокого красивого блондина, я представляю, что он – Джин Келли. И когда они просят нас сыграть сцену вместе, мне кажется, что мы в фильме, что мы под дождем. Что на нас падают и падают мягкие капли.

– Я Райнер. – Он протягивает мне руку, и я пожимаю ее. Он тянет меня к себе, и мы начинаем до того, как я успеваю представиться. Мы Август и Ной. И мне это кажется правильным. Нет, не просто правильным. Идеальным. Будто вся моя жизнь вела меня к этому моменту.

Только выйдя на улицу после прослушивания, которое, как мне показалось, заняло несколько дней, я понимаю, что на самом деле идет дождь. Забавно, что впервые за всю свою жизнь в Портленде я забыла взять зонт.

Через три месяца мы на съемочной площадке.

Глава 4

«Об Август и Ное говорят все, а скоро говорить будут и о Пэйдж Таунсен. Серия бестселлеров „Запертые“ в ближайшем будущем воплотится на большом экране, и у нас есть первые фотографии со съемочной площадки, где работа в самом разгаре. Таунсен сыграет Август, простую смертную девушку, пытающуюся сделать выбор между Эдом, своим парнем, таким же смертным, и Ноем, своим сверхъестественным возлюбленным. Райнер Девон, известный своей работой в „После тебя“, сыграет Ноя. Актер на роль Эда еще не выбран.

Над сценарием работали Дэвид и Марк Хессы, режиссер – Уайатт Липпман».

Райнер зачитывает статью из газеты, и я тянусь к нему, пытаюсь ее забрать.

– Следи за собой, Пи Джи, – говорит он, и я отнимаю у него газету.

– Почему мы не можем просто посидеть пять минут без всего этого? – отвечаю я.

Несмотря на то, что это наша третья неделя на съемках – и мы пробудем здесь еще несколько месяцев, – мне кажется, что мы провели вместе уже тысячу часов. Я плотно заворачиваюсь в свой халат и пью только что поставленный передо мной кофе. Сейчас дует приятный прохладный ветерок, и если сесть снаружи, как мы сидим у Райнера на балконе, можно видеть океан.

Кстати, мы на Гавайях.

После еще двух этапов прослушивания в Портленде я отправилась на студию в Лос-Анджелесе, где снова прослушивалась, но уже в присутствии сотни продюсеров. Нужно было нанять агента и адвоката и обсудить условия договоров. В итоге документов с моим именем набралось на целую библиотеку. Но я получила роль. В конце концов этот красавчик, мистер Джин Келли, и я приземлились на Мауи, чтобы сниматься в экранизации «Запертых». Эта история буквально захватила мир. И я играю главную роль. Это до сих пор кажется чем-то нереальным, несмотря на то, что меня со всех сторон окружают доказательства.

События книги происходят на острове в северо-западной части Тихого океана, но Гавайи предлагали льготы, которые позволили нам начать съемки как можно скорее, и поэтому мы здесь. Пляжи, пальмы... Мы даже сделали из старого домика на плантации студию звукозаписи и сами построили нашу единственную декорацию – хижину, которую Ной и Август делят на острове. Всей съемочной группе и актерам сняли целый апарт-отель, где мы сейчас живем и где находятся все офисы, включая редакторский отдел, гримерную и реквизиторскую.

Райнер прищелкивает языком.

– Значит, переносим чтение таблоидов на время обеда? – Он смотрит на меня, подняв бровь.

– Как смешно, – говорю я.

– *Очаровательно.* – Он пожимает плечами. – Почти угадала.

Мы с Райнером любим друг друга. То есть Ной и Август любят друг друга. Не мы. Мы просто друзья. Он первым получил роль. Это тот парень, что играл со мной на прослушивании в Портленде. Он сын продюсера и играет всю свою жизнь. Не в театре, как я, а на экране. В сериалах и фильмах. В большом кино. В прошлом году он снялся в фильме с той актрисой, Тейлор. Они играли соседей, чьи родители погибли в автокатастрофе, которая в итоге оказалась не просто несчастным случаем. Не думаю, что я кому-то испорчу просмотр, потому что вся планета уже посмотрела этот фильм как минимум дважды, но самый неожиданный сюжетный поворот в том, что родители персонажа Тейлор убили родителей персонажа Райнера. Но в

конце концов они остались вместе. Он спас ее от ее родителей, и они уехали в Европу, забрав наследство, которое осталось после его родителей. Они сменили имена и купили виллу.

Продюсеры не перестают повторять, что мы должны быть готовы к тому, что роли в этом фильме изменят нашу жизнь, но я не представляю, куда его жизни еще меняться. Он известен как золотой мальчик Голливуда, и я пообещала Кассандре, что если Райнер свободен, я привезу ее сюда, чтобы она стала его девушкой. Хотя не думаю, что он свободен. Как такое возможно? Он знаменит, прекрасен и у него милая ямочка на правой щеке. У него светлые непослушные локоны, красивые голубые глаза, а тело как у супергероя. Такие парни никогда не бывают свободны. Это факт. Может, даже научный.

А еще загвоздка в том, что он старше. Ему двадцать два, в то время как Кассандре (и мне) семнадцать. И то, что он играет подростка, не значит, что он влюбится в подростка.

Я отвожу взгляд. Мы стали хорошими друзьями, да, но я не разделяю его беспечного отношения к съемкам. Я чувствую себя не в своей тарелке и не только потому, что никогда не снималась в фильме. Это абсолютно другой уровень. Я должна сделать Август реальной, сделать так, чтобы ее полюбили зрители, и это давит на меня с утра и до поздней ночи. Райнер советует мне расслабиться, но ему-то легко говорить: он к этому привык.

Серьезно, если вы поищите его в Гугле, тот предложит вам шестьдесят один миллион результатов даже без учета новостей, блогов и картинок. Если бы еще месяц назад вы искали в Гугле меня, вы бы нашли информацию о спортивном соревновании, в котором я участвовала, и заметку о постановке «Звуков музыки», в которой я играла. К тому же, если нажать на ссылку, выяснится, что срок ее действия истек.

Первая книга «Запертых» сосредоточена на жизни Август и Ноя на острове, где кроме них никого нет. Пока они пытаются выяснить, почему там оказались и как теперь выжить, Август и Ной начинают влюбляться друг в друга. В фильме есть несколько небольших ролей, на которые уже нашли актеров, но мы отснимем их в самом конце. Актер на роль Эда, парня Август, которого она считает погибшим в авиакатастрофе, еще не найден. Мы встретимся с ним самое раннее только через несколько недель. Так что пока мы с Райнером на Гавайях одни. Одни, если не считать съемочной группы и иногда – автора, Паркер Уиттер. Я видела ее несколько раз, но если верить слухам, она затворница. Она не говорила с нами ни разу за все то время, что мы здесь провели.

– Как спалось? – спрашивает Райнер, вытягивая шею.

Он одет в гавайскую рубашку, которая на одних смотрелась бы глупо, на других – банально или, в лучшем случае, забавно, но на нем выглядит просто идеально. Вот еще одна особенность Райнера – он все делает идеально. Он выглядит на съемках совершенно естественно. Даже не скажешь, что он прикладывает к этому усилия.

Я вру, но в моем тоне все равно слышен сарказм:

– Замечательно.

Райнер наклоняет голову набок.

– Это из-за дурацкого океана, да? Очень шумно. Я попрошу Джессику что-нибудь сделать.

Джессика – ассистент режиссера. Ей двадцать три, и она красотка. Из тех девушек, ради которых пересекают зал, только чтобы встать к ней поближе. Длинные светлые волосы, еще более длинные ноги. Она не потеет даже в тропическую жару, и у нее никогда нет мешков под глазами, даже после восьмичасовой ночной съемки. А еще Джессика – очень приятный человек, один из самых приятных, которых я когда-либо встречала. Когда я только прилетела на Гавайи, она купила мне козырек от солнца с надписью «Запертые» и датой съемок. В уголке изображен логотип фильма – ракушка каури, как в ожерелье, которое носит Август.

– Где здесь можно взять эспрессо? – Сэнди, менеджер Райнера, появляется в дверях. Она, как обычно, безупречно одета, и, несмотря на ветер, из ее прически не выбился ни один волосок.

Раз уж на то пошло, именно благодаря Сэнди я получила роль. Она убедила мою маму. Это далось нелегко, но Сэнди заверила ее, что будет присматривать здесь за мной. Моя мама хотела полететь со мной сама, но я знала, что она никогда не оставит свою работу и Аннабель.

Сэнди была с нами в первые несколько дней на Гавайях, а потом вернулась в Лос-Анджелес. Я не видела ее больше двух недель. Думаю, Сэнди можно считать и моим менеджером. У всех в Лос-Анджелесе есть менеджер.

За ее спиной появляется Уайатт, наш режиссер, и я замираю. Я все еще в халате, а Уайатт не тот человек, кому я могла бы спокойно показаться в таком виде.

– Тебе надо позвонить на стойку администрации, – отвечает он. – То, что подают в столовой, отвратительно.

На нем черные джинсы, черная футболка и кроссовки – в общем, костюм, который ясно дает понять, что поездка на Гавайи для него серьезное неудобство, а не развлечение. Не только его стиль явно противится тропикам. Даже прическа, его собственный вид афро, определенно настроена против теплой погоды.

– В десять начинаем, – говорит Уайатт. – Невероятно, что ремонт освещения в одной комнате занимает шесть проклятых часов.

– Хотите воды? – спрашивает Райнер. Райнер расслаблен, как всегда, но при виде Уайатта он встает и протягивает ему бутылку.

– Нет, – отвечает Уайатт и поворачивается ко мне. – Разве ты не должна уже быть в гримерной? – Я чувствую, как мое лицо заливается румянцем, а руки потеют.

Я открываю рот, чтобы ответить, но Райнер встречает:

– Это я виноват, я не давал ей уйти. – Он искоса смотрит на меня и подмигивает. – Но да, иди подправь свое личико.

– Спасибо. – Хотя я и отвечаю с сарказмом, я действительно ему благодарна. Мне не нужна еще одна лекция от Уайатта. Но могло быть и хуже. Он мог бы отчитать меня на площадке, перед всеми, как это обычно происходит.

Несмотря на то, что снимаемся только мы с Райнером, на площадке с нами еще куча народу. Монтажеры, ассистенты видеорежиссера и линейные продюсеры. Осветители и постановщики трюков. Людей так много, что мне понадобилось бы десять тетрадей на спирали, чтобы записать всех. Я учусь, потихоньку. Меня будто бы из детского сада сразу перевели в колледж. К счастью, у меня есть Райнер в качестве наставника. Вся команда любит его, и он все время всех подкалывает. Он уже как минимум трижды натягивал прозрачную пленку на унитаз в студии звукозаписи.

– Пойдем, Пи Джи. Я прогуляюсь с тобой, – говорит Райнер.

После того как на пресс-релизе было объявлено, кто будет играть Август, СМИ прицепились к тому, что мое имя никому не известно. Крепко прицепились. С тех пор они зовут меня Пи Джи за мою «непорочность». В честь «детского» рейтинга фильмов⁴. Когда я говорила с Кассандрой по телефону, то подчеркнула, что я не настолько уж и непорочна. У меня просто пока не было возможности набраться дурного опыта, хоть это и прозвучало странно. В общем, Райнер теперь зовет меня Пи Джи, и меня бы это раздражало, не будь у него той ямочки на правой щеке. Из-за нее мне сложно всерьез на него злиться.

Сэнди взмахивает рукой, заставляя свои «ролексы» застрять на предплечье.

– Ага, – говорит она. – Лилианна уже внизу.

⁴ В системе рейтингов Американской киноассоциации PG (Parental guidance suggested) означает «детям рекомендуется смотреть фильм с родителями». Имеются в виду дети неограниченно маленького возраста.

– Я готов, – откликается Райнер. Он встает за моим стулом, готовясь его отодвинуть.

Я отставляю свою чашку из-под кофе и вытираю губы тыльной стороной ладони. Бросаю взгляд на Уайатта, но он не обращает на нас никакого внимания. Он прислонился к перилам и смотрит то на облака, то на пляж внизу. Пытается предсказать сегодняшнюю погоду. Но я-то знаю, что он здесь только из-за Сэнди.

Она поворачивает нас за плечи и ведет через всю комнату, холл, лифт и еще два пролета вниз в гримерную.

– Садись, дорогая, – командует Лилианна. Мы с Райнером занимаем наши места, и Сэнди направляется к выходу.

– Встретимся на площадке, – выкрикивает она через плечо.

– А если ты нам понадобишься? – поддразнивает ее Райнер. – Где нам тебя найти?

Сэнди останавливается и упирает руки в бока.

– Дай мне немного покоя.

– Где вы будете?

– Ты же знаешь, где я буду. – Она закатывает глаза.

– Просто скажи, – отвечает Райнер. Он подмигивает мне.

– В «Старбаксе», – говорит Сэнди сквозь зубы.

Райнер скидывает кулак в триумфальном жесте.

– И так каждый раз. Почему ты просто не скажешь кому-нибудь, что ненавидишь здешний кофе?

Сэнди бросает взгляд на Лилианну, а потом вновь на Райнера.

– Занимайся своим делом, а я займусь своим.

Она уходит в вихре кремового шелка, и я поудобнее усаживаюсь в кресле. На часах только восемь утра.

– У нас сегодня много тяжелой работы, дорогая, – произносит Лилианна, осматривая мою голову.

Лилианна не просто занимается гримом и прическами, она еще и источник местных сплетен. Она родилась и выросла на Гавайях и работала над всем, что когда-либо здесь снималось, с подросткового возраста, то есть уже почти пятьдесят лет. В мой первый день здесь она рассказала мне о том, как однажды гуляла под луной с Кэри Грантом.

– Я была ребенком, – говорила она. – Даже не поняла, что он, возможно, хотел меня поцеловать. – Я не стала говорить, что почти все считают, что он был геем.

Она тянет меня за волосы, буквально набрасывается на них, но ее плавная речь и мягкое кресло начинают меня усыплять. В последнее время я мало сплю и иногда, хоть и неловко признаться, использую время в гримерной, чтобы подремать.

Кажется, проходит одно мгновение, и вот я уже просыпаюсь и вытираю влажные от слюны уголки рта. Райнер ушел, но надо мной стоит Джессика. Она выглядит ярко и свежо в светло-розовой маечке и джинсовых шортах.

– Как успехи? – спрашивает она. Я вижу, что на самом деле она хочет спросить: «Почему вы еще не закончили?»

– Если бы твоя милая попка перестала мне мешать, мы бы не выбивались из графика, – говорит Лилианна.

Джессика краснеет, а я прикусываю губу, как бы говоря «прости».

– Поняла, – отвечает Джессика. Она уходит тем же путем, каким пришла, бормоча что-то в телефонную гарнитуру.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Лилианну. Она вооружена лаком для волос и тубиком искусственной грязи. Лилианна улыбается и протягивает ко мне свои занятые всем этим руки.

– Готова испачкаться, милая?

Я киваю.

Знаете, как бывает, когда приходишь к зубному и гигиенист сперва просит открыть рот, вставляет туда кучу трубочек и начинает истязать ваши десны металлическими крючками, а потом расспрашивает вас о школе? Лилианна точно такая же.

– Расскажи мне о мальчиках.

– О каких мальчиках? – бормочу я. Рот у меня приоткрыт, пока она наносит грим на щеки.

– О тех, что дома, и о тех, что здесь. – Она несколько раз щелкает языком и двигает своими широкими бедрами.

– Я знаю здесь только одного.

– Да-да, милая, и он очень даже неплох.

Я смеюсь. Лилианна в семьдесят озабочена мальчиками больше, чем многие мои друзья в семнадцать. Не считая Кассандры. Лилианна только и делает, что говорит о том, что, будь она на пятьдесят лет моложе, она бы не выпустила Райнера из своего кресла.

– Я уверена, что у него есть девушка, – отвечаю я. – Вы же видели его, правда?

Райнер ведет себя так, словно он свободен. Мне кажется. Сложно понять. Я бы не сказала, что он флиртует, он просто дружелюбный, но он никогда не говорил со мной о своих романтических отношениях.

Лилианна отмахивается:

– Эта Бритни? Она ничто в сравнении с тобой.

– Кто такая Бритни?

Лилианна отступает назад и упирает руки в бока.

– Ты журналы-то хоть читаешь?

– На самом деле нет.

– Бритни Дрейк. Поп-звезда, так ее называют. Подними голову.

Я возвращаю голову в нужное положение.

– Бритни, да? – Я слышала о ней. Мне хочется сказать, что она была девочкой с канала «Дисней», но я в этом не уверена.

– Знал бы он, что для него лучше, побежал бы в другую сторону. Ходят слухи, что она изменяет ему с Джорданом Уайлдером, – говорит Лилианна. Она держит надо мной карандаш для бровей. – А дома есть мальчики?

Я на секунду задумываюсь о Джейке.

– Нет. Только друзья.

– Только друг?

Я пожимаю плечами.

– Есть один парень. Мы целовались. Но мы знакомы уже целую вечность. Ничего такого.

Понятия не имею, почему я ей это рассказала. Глупо. Я не умею держать рот на замке. Лилианна, конечно, не побежит в редакцию *Star*, но все равно не нужно никому ничего рассказывать. Сэнди особо это подчеркнула.

Лилианна разглядывает меня.

– И почему же ты никогда не говоришь с ним?

– Он не очень дружен с телефонами, – отвечаю я.

Лилианна приседает передо мной на корточки так, что наши глаза оказываются на одном уровне.

– Никогда не слышала, чтобы молодой человек не хотел поговорить со своей любимой, если есть возможность. Похоже, он не стоит твоего времени. – Она встает, упирает руки в бока, осматривает меня и одобительно кивает. – Ладно, милая, мы закончили.

Знакомый ужас трепыхается у меня в груди, словно птица, взлетая, бьет по воде крыльями. Каждый день на съемках кажется еще одним прослушиванием, даже несмотря на то, что я уже получила роль. Знаю, я должна расслабиться – Райнер прав, – но понятия не имею как.

– Спасибо, – говорю я.

– Пожалуйста. Если тебе когда-нибудь понадобится вразумить этого мальчика, дай мне знать. Я могу достучаться до кого угодно. – Она поднимает бровь. Думаю, я ей верю.

Когда я выхожу наружу, солнце уже сияет вовсю. Я иду на съемочную площадку, повторяя про себя слова, которыми каждый день пытаюсь себя убедить. *Они выбрали тебя. Ты сможешь. Здесь твое место.*

Глава 5

Спускаюсь на пляж и вижу, как Уайатт щурится на солнце, беседуя с Камденом, нашим кинооператором, об углах съемки. «Сниматься на пляже» – это звучит сексуально, и ты думаешь, что будешь обласкана солнцем и овееяна ветрами, но на самом деле тут полно технических нюансов, и у тебя все чешется. Это постоянная борьба за правильный угол, за нужное количество песка и грязи, за то, чтобы снять хороший дубль до того, как тебя собьет с ног волна или ветер.

Райнер в этом мастер. Честное слово, все стихии подчиняются его прихотям. Я видела однажды, как ливень за секунду сменился палящим солнцем, едва Райнер ступил на пляж. У Ноя в «Запертых» есть власть над природой. С погодой происходят странные вещи, когда он поблизости. У Райнера с его персонажем много общего.

Сегодня мы снимаем сцену, которую Уайатт окрестил «выброшенные на берег». Это та сцена, в которой Август и Ной оказываются на острове, и он исцеляет ее. Я вся покрыта фальшивой кровью и грязью и одета в то, что смело можно назвать тряпьем.

Эта сцена почти в самом начале книги, но мы не снимаем по порядку. Уайатт говорит, что хотел бы снимать по хронологии событий, чтобы наши чувства менялись так же, как чувства персонажей в книге, но у нас сложный съемочный график. Мы делаем то, что от нас требуется.

Райнер болтает с одной из ассистенток, которая сооружает гору из песка. Он пытается помочь ей, но она настаивает на том, чтобы он перестал. Я вижу, как она краснеет, и ее глаза улыбаются. Он не то чтобы флиртует. Просто понимает, какое воздействие на нее оказывает.

– Поехали, ребята. Давайте до заката со всем разберемся. – Уайатт не смотрит на меня, но жестом велит нам подойти, и Райнер смахивает часть песка на ассистентку. Она отряхивает волосы и смеется. Во мне что-то вспыхивает, но я переключаюсь на свои переживания из-за работы над сценой. К нам подключают микрофоны, и как обычно один из звукооператоров оказывается слишком близко к моей груди (или тому месту, где она должна быть). А затем мы направляемся к кромке воды.

Я глубоко вдыхаю и всматриваюсь в океан. Он удивительного бирюзового цвета. Кассандра назвала бы этот цвет каким-нибудь нелепым «черепахово-зеленым». Издалека вода красивая и яркая, но когда заходишь в нее, она абсолютно прозрачна. Можно увидеть песок у твоих ног.

С актерством точно так же: вблизи все абсолютно иначе. Когда ты смотришь фильм, он цельный. Одна сцена сменяется другой с изяществом, без каких-либо усилий. Но когда снимаешь день за днем, сцена за сценой, фильм разваливается на разрозненные кусочки. Положи руку сюда, подними подбородок вот так, выпрями плечи. Сделай упор на этом слове.

Главная проблема в том, что я слишком тщательно все обдумываю, голова забита мыслями. Уайатт постоянно мне это говорит. Он кричит на меня: «Перестань думать!» Но у меня не получается. Я переживаю, что не смогу понять Август и разочарую десятки миллионов людей.

Я играла сотни разных персонажей: персонажей Шекспира, персонажей Теннесси Уильямса и даже одну очень болтливую девочку, придуманную Стивом Глеком – восьмиклассником, который выиграл конкурс одноактных пьес в моей школе несколько лет назад. Но это другое. Август – персонаж, любимый всем миром. И моя работа – воплотить ее. У нее будет мое лицо, мой голос, мои волосы. Она будет *мной*. Что, если я ошибусь?

Райнеру это дается легко. Он даже не старается. Он появляется на съемочной площадке, шутит, и, как только Уайатт кричит «мотор», он становится Ноем. Будто у него есть переключатель.

И это поразительно, потому что Ной совсем не похож на Райнера. Райнер дружелюбен и общителен, а Ной сдержан и полон тайн. Тем не менее у них обоих светлые волосы и трагически-прекрасные голубые глаза. И его пресс. Его пресс просто... великолепен. Иначе и правда не скажешь.

– Мы сегодня должны стать лучше! – кричит Уайатт. Я знаю, что он имеет в виду меня. Я сегодня должна стать лучше. И я стану. Я никогда не сдавалась, если мне бросали вызов. Едва ли стоит начинать сейчас.

В этой сцене я лежу на песке, в руках Ноя. Я умираю, из моего тела в разные стороны торчат осколки самолета. К счастью, большую часть всего этого позже добавят на компьютере. Мы занимаем наши места на песке. Я ложусь, а потом рядом со мной оказывается и Райнер. Когда его руки находят мои плечи, я невольно делаю глубокий вдох. Это самая интимная сцена из всех, что мы сняли до сих пор.

– Ты умираешь! – орет Уайатт. – Это чертовски *больно*! Мы можем, черт возьми, это *почувствовать*?

– Ты справишься, – шепчет мне Райнер.

Уайатт кричит «мотор», и я начинаю задыхаться. Ной наклоняется надо мной в панике. Я чувствую, как его пальцы скользят по моим бокам. Ощупывают ребра. Я сосредотачиваюсь на этих ощущениях. Боль. Смерть. Тьма.

– Снято! – выкрикивает Уайатт.

Я выдыхаю. Райнер откидывается назад.

– Никуда не годится, – говорит Уайатт.

Райнер шурится на него.

– Мы можем попробовать сыграть в быстром темпе.

Уайатт качает головой.

– Я хочу это *почувствовать*, – произносит он. – Я хочу почувствовать, что ты теряешь ее, а ты, – он указывает на меня, и кровь застывает в жилах, – ты практически без сознания. – Он опускается ко мне. – Все это должно идти отсюда. – Его рука падает мне на живот. – Из самой сердцевины.

И он шагает прочь. Слышу, как он что-то бормочет, но не могу разобрать, что именно.

Райнер касается моего плеча.

– Не слушай его, – тихо говорит он. – У тебя получается.

Но я знаю, что он неправ. У меня не получается. Я хочу, чтобы получалось, но пока безуспешно.

Становится жарко, солнце поднимается выше и выше. Джейк знает, как определять время по солнцу. Однажды он пытался меня научить, но я так и не поняла, как это делается, ведь ты не можешь смотреть на само солнце.

К тому моменту, как мы заканчиваем, уже стемнело, и я ваюсь с ног. Мы, должно быть, отсняли сотню дублей этой сцены исцеления. И потом еще сотню – сцены крушения. Мы то заходили в воду, то выходили на берег, и, несмотря на жару, мои зубы стучат весь вечер. Райнер не переставал обхватывать меня сзади, пытаюсь согреть в промежутках между дублями, и шептал слова воодушевления. С тех пор как мы сюда приехали, он все время защищает меня, и я ему благодарна. Не знаю, что бы я делала, не будь он на моей стороне.

Мы должны закончить к восьми, и это сводит Уайатта с ума. Обычно наши съемки становятся дольше и дольше с течением недели. Формально мы не можем снимать больше двенадцати часов без семичасового перерыва, а мой график еще строже. Так как Райнер совершеннoлетний, он может сниматься допоздна и оставаться на площадке столько, сколько нужно. В моем графике, наоборот, куча оговорок и условий – я могу сниматься только пять с половиной часов и должна тратить три часа в день на учебу. Иногда, в конце очередной съемки, у меня

остается всего двадцать минут на учебу, и я отправляюсь в конференц-зал в фойе отеля со своим репетитором Рубиной. Уайатт отснимет несколько действий или диалогов, а потом придет мой дублер, чтобы снять все остальное. Странно осознавать, что довольно большую часть фильма меня в нем вовсе нет.

Даже несмотря на это, выспаться здесь сложно, учитывая прически и макияж (работа над ними может занять до трех часов).

Я запрыгиваю в ожидающий нас фургон.

Оглядываюсь, чтобы посмотреть, идет ли Райнер, но вижу, что он зачем-то прижал Уайатта к стенке, и мне меньше всего хочется им мешать. Мы выходим, и я плетусь обратно в отель, озадаченная. Я думала, что получить роль – это самое сложное. Что я показала себя с лучшей стороны, и поэтому они наняли меня. Тогда я еще не поняла, что получить роль – это только начало.

Я уже подхожу к своей квартире, когда слышу шаги за спиной.

– Эй, Пи Джи, подожди.

Райнер подбегает к моей двери. Он стер свой грим в фургоне, и сейчас на нем серая футболка и джинсы.

– Что ж, – говорит он. – Сегодня был тяжелый день. – Он склоняет голову набок, пытаясь разгадать мои чувства.

– Все в порядке, – говорю я. – Все хорошо. Я сама виновата.

Райнер едва заметно улыбается.

– Хочешь, обсудим это? – спрашивает он. Он обходит меня, чтобы взять у меня ключи и открыть дверь в квартиру. Он так уверен в себе, так спокоен. Я знаю, что он старше, но дело не только в этом – у него есть опыт.

Я пожимаю плечами, застигнутая врасплох его прикосновением.

– Тут особо нечего обсуждать. Только то, что я отстой. – Проскальзываю внутрь, и Райнер следует за мной.

– Абсурд.

– Да ладно? Скажи это моей сердцевине. – Я дважды постукиваю по своему животу, как это делал Уайатт.

Райнер качает головой.

– Он просто болван. Я ему сказал...

– Пожалуйста, – перебиваю я его. – Пожалуйста, скажи, что ты не велел ему быть со мной помягче.

Райнер вздыхает.

– Он не должен каждый день кричать на тебя.

Я бросаю свою сумку на пол и прислоняюсь к стойке. В моей квартире две спальни и полностью оборудованная кухня. Тут так же просторно, как в нашем доме в Портленде, где одновременно жили шесть человек.

– Мне бы хотелось, чтобы ты этого не делал, – говорю я.

– Да брось, – отвечает он. – Я прикрываю тебя. Мы с тобой в одной лодке, детка.

Я смотрю, как он небрежно прислонился к холодному мрамору, скрестив руки на груди. Он выглядит утонченно, благородно и самоуверенно. Будто мир никогда не давал ему ни одного повода сомневаться в своем успехе.

– Спасибо, – говорю я. – Но не надо строить из себя перед Уайаттом моего старшего брата.

– Старшего брата? – Райнер ухмыляется, и я краснею. – Эй, ты не хочешь поужинать? – спрашивает он, резко меняя тему.

– Я не очень голодна.

– Пойдем, тебе нужно поесть. Тебе хоть что-то сегодня удалось перехватить? – Он опускает руки, и светлые волосы падают ему на лоб. Это кажется знакомым, что странно, но потом я вспоминаю, что именно в этой позе он на постере в спальне у Кассандры.

Моя жизнь полна странностей.

– Ладно, дай мне переодеться.

Я слышу, как в соседней комнате Райнер насвистывает мелодию. Я узнаю ее, но не могу вспомнить название. Кажется, это какая-то из песен Бритни. Песня о летней влюбленности, которая постоянно играла с апреля по август в прошлом году. Даже я знаю все слова на память. Может, они и правда встречаются.

Я дергаю ящик комода, и фото, стоящее на нем, падает. Это фото, которое Джейк дал мне перед отъездом. На нем он сам, Кассандра и я прошлым летом. Мы стоим перед магазином мороженого *Delmano*. Мы глупо улыбаемся, лица измазаны шоколадом. Я поднимаю фото и кладу его в ящик. Меня охватывает чувство вины за то, что я не звоню чаще. За то, что я уехала. Я думаю, как они там учатся, как гуляют по центру города в выходные. Без меня.

Выбираю белую маечку и юбку с цветочным узором, которая у меня с шестого класса. Я никогда ее не носила, но решила, что она подойдет для Гавайев.

Я получила свой первый чек в прошлом месяце и только на той неделе добралась до банка, чтобы мне перевели эти деньги на счет. Если честно, я даже испугалась. В действительности эти цифры значат больше, чем просто денежная сумма. Они значат что-то еще, что я пока не до конца понимаю. Это куда большая сумма, чем всё, что когда-либо заработала моя семья, сложенное вместе и умноженное на десять. Я чувствую себя могущественной, но не в самом лучшем смысле. Этакая Годзилла, переросшая всех родственников. Как будто я больше не помещусь в свой собственный дом.

Прежде чем уехать, я предложила деньги родителям, но они отказались. Папа на полном серьезе ушел из комнаты. А мама велела мне никогда больше об этом не заговаривать и сказала, что я заработала эти деньги и они должны оставаться моими.

Но зачем мне столько?

Пока я только оплатила адвокатов и все в таком роде. Я дала маме чек для женского приюта, в котором она работает волонтером. Чек она взяла. Но я не ходила по магазинам. Не купила себе сумочку. Или туфли. Или машину. На Мауи не так уж много мест, где можно заняться шопингом, только один небольшой центр за нашим отелем, и даже если бы они были, мне бы все равно понравилось то же, что и всегда, – джинсы и майки.

Может быть, я оплачу Джейку и Кассандре полет на съемки. Думаю, им это понравится.

– Ты отлично выглядишь, – говорит Райнер, когда я появляюсь перед ним. Он одаряет меня улыбкой.

Я фыркаю, потому что, несмотря на выигрышное сочетание детской юбочки с песком в моих волосах, я уверена, что он шутит.

– Куда мы пойдем? – спрашивает он.

– В «Лонги»?

На первом этаже торгового центра есть итальянский ресторан. Мы почти каждый день заказываем обед оттуда, у них отличная паста, и сам ресторан на открытом воздухе, так что можно слушать океан. Не то чтобы из моей гостиной не слышно океан, но это все равно приятно.

– Звучит неплохо, – говорит Райнер.

Когда мы оказываемся в «Лонги», Райнер улыбается администратору своей фирменной улыбкой, и она предлагает нам крайний столик, скрывающийся прямо под пальмой. Она похожа на тех девушек, которых обычно можно увидеть в рекламе бренда *Roxy*. Загорелая, высокая, стройная блондинка. Готова поспорить, по утрам она занимается серфингом, днем

работает моделью, а по ночам обслуживает здешних посетителей. Если моя актерская карьера провалится, такой образ жизни – тоже неплохой вариант. Кроме работы моделью.

– Я подумываю о том, чтобы не уезжать в эти выходные. – Райнер откидывается на стуле, и его рука вскользь касается моей. Мы сидим наискосок за столиком на четверых, но Райнер устроился так близко, что мы почти соприкасаемся. Неподалеку от нас ужинают две девочки с родителями и чуть ли не падают в обморок.

Тяжело забыть, что Райнер знаменит.

– Да? – говорю я, отламывая кусочек булочки.

Райнер летает в Лос-Анджелес и обратно каждые выходные. Теперь я думаю, что, скорее всего, он виделся с Бритни, но я не спрашивала.

Он берет стакан с водой и отпивает, не поднимая глаз.

– Да. Я просто подумал, что мало свободного времени провожу здесь. Ради чего я постоянно сбегаяю?

– Бритни? – предполагаю я и сразу же жалею, что произнесла это вслух.

Райнер хмурится.

– Что ты имеешь в виду?

Я представляю свой ответ: «Ты хочешь убедиться, что твоя девушка не встречается с плохим парнем из Голливуда, Джорданом Уайлдером, так?»

А затем я говорю: «Таблоиды», хотя на самом деле хочу сказать: «Лилианна». Но я слышала о Джордане Уайлдере и от Кассандры тоже. Тяжелый случай.

Райнера это забавляет.

– Ты их читаешь?

– Э-э... нет, не совсем. – Я чувствую, как мое лицо начинает краснеть.

– Все в порядке. – Райнер кладет руку на мое обнаженное плечо. Она мягкая и теплая.

– Я не читаю таблоиды. – Я выдыхаю. – Наверное, стоит, потому что тогда я буду знать хоть что-то о людях, но я не читаю. Моя лучшая подруга всегда мне обо всем рассказывала. – При нормальных обстоятельствах я бы уже сообщила Кассандре о комментарии Лилианны, но у меня не было времени. – Лилианна рассказала мне о некой Бритни. Хотя это не важно... – Я понимаю, что слишком много болтаю, но мне трудно остановиться. То, как он смотрит на меня – с интересом и в то же время смущенно, – заставляет меня нервничать.

Райнер откашливается и утирает руку.

– Мы не встречаемся. Уже нет.

– О.

Он улыбается.

– А ты?

– Бритни не в моем вкусе, – парирую я.

Райнер смеется.

– Забавно.

– Стараюсь.

Он наклоняется ко мне.

– Дома есть кто-нибудь?

Я думаю о Джейке, который, скорее всего, сейчас пикетирует какой-нибудь приют для животных или *Barnes & Noble*.

– Нет.

– Правда? У тебя?

– Как это ни удивительно, да. Несмотря на все это, ко мне еще никто не прибежал. – Я прихватываю несколько тонких прядок волос, и песок сразу же сыпется мне на колени.

– Ты кинозвезда, не заметила? – говорит он. Его голубые глаза сияют. Если за нашим столом и есть кинозвезда, это точно не я.

– Я *актриса*, – поправляю я его.

– В нашем положении, дорогая, это одно и то же.

Я пытаюсь сопротивляться его воздействию, но то, как он произносит «дорогая», заставляет вибрировать каждый мой нерв.

Райнер откидывается на спинку стула и улыбается.

– Ну, что закажешь?

Я замечаю, с каким спокойным очарованием он говорит с официантом; как он встает и поправляет мой стул, когда я возвращаюсь из уборной; как он улыбается и беседует с матерью и дочерью, которые подошли к нашему столику, чтобы попросить у Райнера автограф. Он чувствует себя комфортно. Даже больше: ему будто все это нравится.

– Ты привыкнешь, – говорит он, нарезая лосося. – Иногда они немного навязчивы, но это даже льстит. Значит, они любят то, что ты делаешь.

Мне не хватает духу сказать ему, что после сегодняшнего вряд ли кто-то полюбит то, что делаю я.

– Все будет хорошо. – Он словно читает мои мысли. – Но ты не можешь позволить Уай-атту тебя задеть.

– Ты прав, – отвечаю я.

Он кладет локти на стол и склоняется ближе.

– Итак, ты устроишь для меня экскурсию в эти выходные или заставишь умолять об этом? Я сглатываю.

– Разве у твоей семьи нет здесь дома?

Райнер поднимает брови.

– Ты точно читаешь таблоиды.

Я качаю головой.

– Ну уж нет, ты сам мне это сказал несколько недель назад.

Он вздыхает.

– Да, но мы обычно просто сидим у бассейна, проводим здесь только выходные. Я хочу посмотреть *твои* Гавайи. Ты из тех, кто постоянно заперт на острове. Думаю, хоть что-то ты уже видела. – Он наклоняется еще ближе, так близко, что я чувствую его запах. Он пахнет дорогим одеколоном, как целый универмаг. В сочетании со сладким ароматом растущей вокруг плюмерии это даже опьяняет.

Мои Гавайи внутри здешней квартиры, за заучиванием слов.

– Я мало куда выходила, – признаю я.

Райнер смотрит на меня.

– Значит, будем исследовать вместе.

От этого предложения я точно не могу отказаться.

– Ладно, – отвечаю я.

– Отлично. – Он отодвигает свой стул. – Пойдем?

– Разве не нужно заплатить? – Я поворачиваю голову в поисках официанта, но Райнер встает.

– У меня есть счет здесь, – объясняет он. – Не волнуйся об этом.

Когда я встаю, он касается моей талии, и я не могу удержаться от того, чтобы посмотреть на девушку через несколько столов от нас. Она ловит мой взгляд, и меня охватывает незнакомое ощущение. Гордость. На секунду я чувствую, что он мой. Хотя и не в реальном мире, но в моей фантазии это так.

Я не из тех девушек, которые восторженно умиляются при виде невест – я лучше посмотрю триллер, чем романтическую комедию, – но в нем что-то есть. Он знает, чего я хочу еще до того, как я говорю об этом. Он спокоен и уверен в себе. И сейчас, провожая меня до

двери в квартиру, он наклоняется ко мне, и я не могу поверить, что... Райнер Девон действительно собирается меня поцеловать? Но он только касается губами щеки.

– Спасибо за ужин, – произносит он. – Увидимся завтра.

Я прощаюсь с ним, он поворачивается и направляется в холл.

Захожу к себе и сразу же берусь за мобильный. Я ищу номер Кассандры, но что-то останавливает меня. Я не могу позвонить ей, что я скажу? «Я запала на Райнера Девона?» Так ли это? Она наверняка укажет мне на очевидное – он кинозвезда и не заинтересован в отношениях с простыми смертными вроде меня. Мы коллеги. Он просто дружелюбен. *Возьми себя в руки, Таунсен.*

Я засыпаю в своей юбке с цветочками и с телефоном на подушке. Когда я просыпаюсь, телефон все еще на месте, а имя Кассандры по-прежнему на экране.

Глава 6

На Гавайях у меня сложился свой ритуал. Каждые выходные, когда у меня нет съемок, я прихожу на пляж до восхода солнца и ныряю в океан. Кругом ни души, кроме ранних серферов, и даже если они тебе улыбнутся, до беседы все равно не дойдет. У нас тут принято, что каждый сам по себе. Но при этом мы не одиноки. Совсем наоборот. Для меня утренний океан – словно хороший друг. Друг, с которым можно сидеть в тишине часами.

Никогда не видела здесь Райнера или Уайатта, но Уайатт постоянно работает, а Райнер обычно улетает на выходные. Я знаю, что сегодня он остается, но он больше похож на того, кто завтракает в отеле, чем на того, кто, просыпаясь на рассвете, бросается в ледяной океан.

Я кладу полотенце на камень и направляюсь к линии прибоя. Я пробую воду и иду вперед, считаю до трех, а потом ныряю. Единственный возможный вариант! Если погружаться медленно, то это настоящая пытка.

Вода ударяет по мне так резко, что перехватывает дыхание, и я выплываю на поверхность, глотая воздух ртом. Океан мне в новинку, но я всегда любила воду.

До того как моя сестра забеременела, а братья съехали, родители каждое лето брали нас в поход. Сестра ненавидела эти выезды. Она все время сидела в палатке и жаловалась то на недостаток журналов, то на слишком холодный воздух, то на жесткую землю или вонючую еду. Но я каждый год ждала их с нетерпением.

Мы разбивали лагерь у озера, которое выбирал папа, и впятером устанавливали палатки, пока мама выгружала кухонные принадлежности. Когда мы заканчивали, я отправлялась в воду. Мне было все равно, насколько она холодна – как только лагерь был обустроен, я оказывалась там. Мама говорит, что я родилась с рыбьим хвостом, и я думаю, так оно и есть. Когда я была маленькой, люди спрашивали меня, кем я хочу стать, когда вырасту. Я отвечала, что рыбой. Я не понимала, что для этого ничего нельзя сделать. Как ни трудись, мне никогда не отращивать жабры и хвост.

Скрывшись под водой, я словно оказываюсь в раю. Здесь прохладно, бодрит и невероятно освежает, словно откусываешь первый летний кусочек арбуза. Холод заряжает меня энергией, щекоча руки и ноги. Я переворачиваюсь на спину, позволяя волнам качать меня. Только начало светать, и я вижу розовые, желтые и оранжевые лучи, прокалывающие небо. Будто бы наблюдаешь за созданием картины. Длинные, ленивые мазки, которые смягчают темноту до тех пор, пока наконец участки между ними не оказываются сплошь залиты солнцем.

Я вытягиваю руки вперед и отталкиваюсь ногами, уходя под воду. Вода больше не жалит меня, она кажется гладкой и мягкой, как шелковый халат или бархатная пижама.

Около пятнадцати минут я плаваю в толще океана и на поверхности, время от времени останавливаясь, чтобы посмотреть на щербетовое небо. Когда я в воде, мне кажется, что весь мир на одном уровне – пляж и небо параллельны, а не перпендикулярны. В Портленде все не так. Город весь состоит из закругленных углов и холмов. Гавайи кажутся ровными, будто события здесь происходят одновременно, все сразу.

Я наконец позволяю волне вынести меня обратно. Зарываюсь ступнями в песок, прыгаю несколько раз на одной ножке, чтобы вода вытекла из ушей, и выжимаю волосы. Уже совсем светло, и если я встану лицом к нашему отелю, я могу увидеть всё вплоть до Халеакалы, дремлющего вулкана Мауи.

Когда мы только приехали сюда, отец Райнера оплатил нам урок гавайской культуры. Пришла вся команда, но многие быстро ушли. Я была одной из тех, кто остался до самого конца. Нам сказали, что Гавайские острова на самом деле – цепь вулканов, и «горячая точка», очаг вулканической активности, движется от острова к острову. Именно поэтому в конкретное время активным может быть только один вулкан – сейчас это вулкан на острове Гавайи,

Большом острове. Но самый интригующий факт – «горячая точка» движется прямо сейчас, создавая новый остров. Возможно, он окажется на поверхности где-нибудь через десять тысяч или сто тысяч лет. И имя у него тоже уже есть. Его называли Лоихи.

Я оборачиваю полотенце вокруг талии и иду наверх, к отелю. Я с нетерпением жду, когда смогу сегодня вырваться из Вайлеи, нашего пляжного городка. Джейк купил целую кучу путеводителей, и большинство из них сосредоточены на том, какие разновидности животных находятся под угрозой исчезновения и как понять, что океанская вода загрязнена. Но среди них есть и обычный путеводитель с приманками для туристов. Там рассказывается, где найти лучшие бургеры и где проложены прогулочные маршруты с водопадами. Сегодня я возьму его с собой.

Женщина за стойкой администрации приветствует меня с улыбкой.

– Для вас есть послание, мисс Таунсен.

Она протягивает мне листок фирменной бумаги отеля, с четко и аккуратно выведенной на нем строчкой:

«Одевайся и приходи позавтракать со мной. Р.»

Мой пульс ускоряется, и я чувствую, как по телу разливается тепло. Никаких больше мурашек от утренней воды.

– Что-то еще? – спрашиваю я администратора, пытаюсь скрыть улыбку, которая медленно расцветает на моем лице. Мне нужно наконец научиться брать себя в руки. Он мой коллега, не какое-нибудь школьное увлечение.

– Нет, – отвечает она. – Только эта записка.

Киваю и направляюсь к себе, мои тапочки шлепают по мраморному полу.

Когда я спускаюсь на завтрак, Райнер ждет меня в очередной гавайской рубашке и солнцезащитных очках *Ray-Ban* с большими стеклами. Рубашка светло-синяя, цвета волн. Он улыбается своей фирменной улыбкой с ямочкой на щеке и стучит указательным пальцем по часам у себя на руке.

– Ты опоздала, – произносит он.

Я показываю записку.

– Ты не указал время.

– Я предположил, что ты ее увидишь и сразу прибежишь.

– Девушки обычно так и делают?

Райнер пожимает плечами.

– Да, чаще всего. – Он качает головой и улыбается. – Шучу, – говорит он. Он смотрит на меня, чтобы убедиться, что я услышала. – Садись. Ты знаешь, что я бы все равно прождал весь день.

– Итак, чем мы сегодня займемся? – говорю я, стараясь сменить тему и держать себя в руках. Я спокойна и собрана.

Официантка поставила перед нами апельсиновый сок и корзинку с выпечкой, и я отрываю верхушку маффина. Я вдруг понимаю, что умираю от голода. Это всё утренние заплывы. Плавание превращает меня в обжору.

Райнер смотрит на меня с интересом.

– Я думал, за это отвечаешь ты, Пи Жи. – Он наклоняется ко мне. – С меня машина, с тебя – план.

Я достаю свой путеводитель и открываю его на странице о Паиа, городке на северном побережье, куда я хотела поехать. Там должен быть ресторан под названием «Фиш Маркет», где делают самые лучшие бургеры и сэндвичи на острове, и весь городок, судя по всему, забит яркими милыми магазинчиками и лавками. Вряд ли что-то может сравниться с «Пустыками и безделушками», но мечтать не вредно. Путеводитель говорит, что из Паиа можно отправиться на пляж Хо’окипа и понаблюдать за виндсерферами. Мне кажется, это звучит идеально.

Я рассказываю все Райнеру, не забывая о яйцах и кофе.

– Впечатляюще, – говорит он. – Все это ты вычитала в книжке? – Он выхватывает у меня путеводитель «Настоящий Мауи» и быстро пролистывает его.

Я киваю и повторяю то, что мне говорил Джейк:

– Этот путеводитель считается лучшим.

Райнер улыбается, словно считает это забавным. А может, милым. Я мысленно съеживаюсь из-за того, как по-детски это звучит. Я глупая малолетка. Затем он отбирает у меня кофе, делает глоток и ставит на место.

– Мы теряем время, Пи Джи. Пойдем.

Райнер взял напрокат неоновос-синий кабриолет, и когда мы забираем его у сотрудника гостиницы, я не могу сдержать смехок.

– Ты шутишь, да?

– Ой, да брось. Есть в тебе жажда приключений?

– Может, чувство юмора?

Он качает головой.

– Ты невозможна.

– Во мне есть жажда приключений. Просто эти приключения должны быть связаны с пешими прогулками, а не вождением автомобилей для туристов.

– Ну, вести буду я. – Райнер поднимает очки и смотрит на меня. Я не могу не заметить, насколько голубые у него глаза даже в сравнении с машиной, которая теперь стоит рядом с нами.

Он распахивает передо мной дверь, и я забираюсь внутрь.

– Плюс, – говорит он, – мне идет голубой.

В этой штуке нас будет легче заметить, но пока это не проблема. Люди все время жалуются на папарацци, но до сих пор я так и не поняла, что тут такого. И, если честно, не так уж и ужасно, когда тебя узнают, хотя бы изредка. Мысль о том, что кто-то хочет меня сфотографировать, мне в новинку. До сих пор мне приходилось расталкивать других локтями, чтобы попасть в кадр на рождественском фото.

Уайатт не перестает вбивать нам в головы, чуть ли не проповеди читает, что все изменится, что каждый день приближает нас к сумасшедшей популярности. Ну, не знаю... Было много суматохи, когда я только получила роль – статьи в журналах; одно фото, снятое, когда я выходила из «Кофе Бин», но все улеглось, едва мы прилетели сюда. Никто меня не узнаёт. И как бы они узнали? Я еще ничего не сделала.

Я достаю большую карту Мауи, которая была вложена в путеводитель. Мы едем на запад. Пляж оказывается слева от нас, а холмы, вырастающие в горы, – справа. Каждую секунду пейзаж выглядит как почтовая открытка. Я хочу разложить всю поездку на кадры. В книжке написано, что Гавайские острова считаются страной Бога и что если бы Бог решил жить на земле, он бы жил здесь. Я понимаю, о чем они. Это рай.

– Чем ты занимаешься в Портленде? – спрашивает Райнер. Крыша автомобиля опущена, и ветер шумит в ушах. Волосы развеваются, разлетаясь во все стороны, и я пытаюсь как-то придержать их, так что мои руки сейчас прижаты к ушам, словно наушники.

– Что? – кричу я.

– Портленд!

Забавно – Райнер кажется таким знакомым, но мы еще не говорили друг с другом о нашей жизни, какой она была до фильма.

По правде, я знаю о нем многое. По крайней мере, то, что лежит на поверхности. Всё благодаря Кассандре. Например, его любимый цвет – оранжевый, у него есть пес по имени Скут, и когда Райнеру было двенадцать, на день рождения отец подарил ему ужин со Стивеном

Спилбергом. Он вырос в Беверли-Хиллз, его родители все еще женаты, и он единственный ребенок, несмотря на редкие слухи, которые утверждают обратное.

У его родителей есть дорожка для боулинга в подвале и теннисный корт во дворе. Он один из самых красивых людей в мире, по мнению журнала *People*, и его день рождения в июне... хотя, может быть, и в январе.

До меня вдруг доходит, что единственное, о чем Кассандра не рассказывала, – это Бритни.

Райнер смотрит на меня и улыбается. Мои глаза слезятся, а волосы выглядят, словно в клипе восьмидесятых. Сексуально.

Он что-то говорит, я не понимаю ни слова и даже не делаю вид, что поняла. И мы едем до Паиа в тишине.

Паиа выглядит точно так же, как и описывал путеводитель: маленький городок в стиле хиппи. Здесь больше ресторанов и своеобразия, чем на всей южной стороне острова. Как только мы останавливаемся, я сразу понимаю, что здесь остров настоящий; такой, каким его не увидишь на обычных пляжных каникулах. Жить в нашей части острова – это как застрять на круизном лайнере: красиво и полно хорошей еды, но нет чего-то подлинного.

В Паиа две главные улицы. Одна из них – та, в которую переходит шоссе, а вторая лежит перпендикулярно ей. Свободных мест для парковки нет, и все рестораны – чаще встречаются уличные кафе, – судя по всему, набиты битком. Я уже думаю, что Райнер наймет служащего для парковки машины, но он заезжает на небольшую стоянку на въезде в городок и доказывает, что я ошибалась.

– Похоже, ты выбрала самую горячую точку, – говорит он. Он паркуется, опускает крышу кабриолета и обходит его, чтобы открыть мою дверь. Я уже сама ее открыла, так что у нас случается курьезный момент, когда я выхожу, а он пытается мне помочь и оказывается зажат между соседней машиной и моей дверью. Это так мило, что даже немного обезоруживает.

Забавный факт: даже Райнер Девон может выглядеть глупо, если он зажат между двумя припаркованными машинами.

Мы выходим с парковки и отправляемся к «Фиш Маркету». Даже несмотря на сумасшедшую очередь, которая огибает ресторан снаружи, я настаиваю на том, чтобы мы остались и поели там. Нам ведь все равно не нужно куда спешить.

– Не сомневайся в печатном слове, – говорю я, и Райнер уступает.

– Просто мы могли бы пройти вперед, – произносит Райнер, указывая на кассу, до которой еще двадцать человек.

– То есть обойти очередь?

– По их сведениям, нам нужно спешить обратно на площадку.

– Но нам *не* нужно спешить обратно на площадку, – подчеркиваю я.

Он скрещивает руки и смотрит на меня с прищуром.

– Ты до сих пор ничего не поняла, да?

– Не поняла что? – Кем он себя возмнил, Брэдом Питтом? Обошел бы Брэд Питт очередь? Наверное. Но только если бы ему нужно было идти спасать сирот или типа того. Все, что предстоит Райнеру, – это осмотреть пляж.

– Твое простодушие, конечно, умиляет, Пи Джи, но ты теперь звезда. Пора начинать вести себя соответствующе.

– Это не звездное поведение, – говорю я. – Это свинство.

Он закатывает глаза и берет меня за руку. Я аж подпрыгиваю, но не сопротивляюсь. Он тащит меня в начало очереди, извиняясь перед мужчиной, который стоит перед кассой, и улыбается кассиру – девушке примерно моего возраста. Она смотрит на кассовый аппарат, а потом чуть ли не задыхается, увидев, что Райнер ее разглядывает.

– Мы ведь можем сделать заказ, правда? – спрашивает Райнер, лучезарно ей улыбаясь. Он все еще держит мою руку и тянет меня к себе, демонстрируя меня девушке будто доказывая свою правоту.

Девушка смотрит на меня, и ее глаза округляются. Кассандра смотрит так на меня, когда хочет сказать что-то важное, но не знает, как начать.

– В-в-вы Август, – заикается она.

Я мельком смотрю на Райнера, а потом обратно на девушку. Сначала мне хочется поправить ее. Я не Август. Я Пэйдж.

Но вместо этого я улыбаюсь и медленно киваю. И все в ресторане затихает. В то время как минуту назад мне казалось, что я все еще кабриолете Райнера и мне нужно кричать, чтобы меня услышали, сейчас я только и хочу, чтобы кто-нибудь чихнул и заглушил звук моего дыхания.

А дышу я часто. Мое сердце бьется с бешеной скоростью.

– Я обожаю эти книги, – продолжает девушка. – Не могу дождаться фильма! Можно взять у вас автограф?

Райнер смотрит на меня, подняв бровь, и его ухмылка словно шепчет: «Я же говорил». Роюсь в своей сумочке, пытаюсь найти ручку. Нужно ли всегда держать при себе ручку, если ты знаменит? Это важно? Или люди обычно дают свои?

Нахожу одну, зацепившуюся за футляр для очков на дне сумки, и достаю ее за колпачок.

– Эм-м, конечно. Где мне расписаться?

Девушка смотрит на меня, будто не понимает вопроса, и Райнер протягивает мне салфетку.

– Это сойдет? – спрашивает он ее.

Она выразительно кивает, я беру салфетку и прижимаю ее к прилавку. Сейчас у меня такое ощущение, что все до единого в ресторане повернулись, чтобы посмотреть на меня. Я чувствую себя, как один из тех манекенов в окнах универмагов, когда на них меняют костюмы: голой и у всех на виду. Только они вообще-то не живые.

Я сглатываю и быстро пишу свое имя. Выглядит неаккуратно, в слове «Таунсен» едва можно разглядеть «Т». У меня нет собственной подписи. Думаю, мне ни разу не приходилось подписываться, пока несколько лет назад не понадобилось получить паспорт. Мы должны были ехать в Ванкувер, чтобы навестить брата моего отца, который переехал туда лет пять назад, чтобы начать собственный бизнес по заготовке древесины, но в итоге мы не поехали. Через несколько лет мы сделали еще одну попытку, но это было как раз в то время, когда Аннабель почтила нас своим появлением, и после этого поехать... Ну, это не подгузник сменить, так что мы остались.

Я протягиваю салфетку девушке, и та сияет. Будто получила подарок на Рождество.

– Большое спасибо! – говорит она. – Я приму ваш заказ. За счет заведения.

– Это приятно, – говорит Райнер. Он протягивает ей стодолларовую купюру и несколько двадцаток и кивает в сторону очереди. – Угостите людей в очереди обедом за мой счет?

Лицо девушки становится малиновым, и она кивает. Райнер смотрит на меня. Я чувствую, как мои глаза округляются.

– Что? – говорит он. – Я же делаю доброе дело.

Он оставляет заказ, люди снова начинают беседовать, и обед идет своим чередом. Мелькает фотовспышка, а какая-то девочка подходит к Райнеру за автографом. Он наклоняется, чтобы обнять ее. Ее крохотные щечки розовеют, как глазурь на печенье «Поп-Тартс». Девушке за кассой он тоже оставляет автограф.

Мы получаем еду, и я запикиваю двадцатидолларовую купюру в банку для чаевых.

Ресторан очень в стиле этого маленького городка. Длинные деревянные столы и скамейки по обеим сторонам от них. Райнер берет поднос, и мы направляемся к свободному месту на

краю одного из столов в углу. Я сажусь. Меня только что узнал незнакомый человек. Ни разу в жизни меня не встречал, но знает, кто я такая.

– Ты там как, в порядке? – Райнер наклоняется вперед, и я могу разглядеть веснушки у него на носу.

– Да, отлично. – Но правда в том, что весь этот опыт нереален, словно сон. Я все жду, когда меня вернут к действительности.

– Ты к этому привыкнешь, – говорит он. Легонько берет мою руку и на секунду переплетает свои пальцы с моими. – Я не хочу, чтобы ты переживала.

– Ты никогда не думал, что это странно? – говорю я. Я сглатываю, пытаюсь говорить ровным голосом.

– Что? – спрашивает он, убирает руку, но в это время его большой палец скользит по моему запястью.

– Что люди, которых ты никогда не встречал, знают твое имя?

Райнер берет свой бургер.

– Да, – начинает он. – Ну, я не уверен. – Он останавливается, откусывает кусочек и задумчиво жует. – Для меня так было всегда. Я же играл с самого детства. Наверное, просто не знаю другой жизни.

Я киваю и откусываю от своего бургера. Восхитительно! «Настоящий Мауи» был прав: еда здесь невероятная. Хотя, возможно, все дело в том, что я несколько месяцев не ела гамбургеров. Джейк, естественно, веган, и постоянно пытается заставить меня съесть ту картонную гадость из тофу, которую покупает. Он даже уговорил моих родителей стать веганами, и это полнейший отстой, потому что моя мама теперь готовит нам соевые сосиски.

Несколько минут мы едим в тишине, и это успокаивает. На нас все еще иногда поглядывают, но по большей части все вернулись к своему обеду.

После обеда мы отправляемся на пляж для виндсерфинга. Я читала о местечке, откуда открывается хороший вид. Рядом с ним можно припарковаться и пройти туда, где скалы нависают над океаном. Когда ветрено, есть шанс, что появятся виндсерферы. А на Хо'окипа, судя по всему, ветрено всегда.

Когда мы выходим из машины, ветер с воем набрасывается на нас. Но все еще тепло, и солнце ровно и неустанно светит в спину.

Райнер щурится и бросает мне с заднего сидения бейсболку.

– Береги свою кожу, Пи Джи. Август довольно бледная.

Возвожу глаза к небу и напяливаю шапочку с эмблемой «Лос-Анджелес Лейкерс»⁵.

– Очаровательно, – говорит он, одобрительно кивая.

Спотыкаюсь, и в груди что-то тоже спотыкается.

– Аккуратно, – предупреждает Райнер, кладя руку мне на спину. – Пойдем.

Мы перебираемся через ограждение и спускаемся к скалам.

Они образуют выступ вдоль обрыва, вроде сидений первого класса, будто знают, что туристы захотят понаблюдать отсюда шоу. Мы садимся, и как только я смотрю на воду, у меня перехватывает дыхание.

Виндсерферы повсюду, но они не похожи на людей. Они выглядят как бабочки. Крохотные разноцветные бабочки, которые опускаются, покачиваются и летают вдоль океана.

– Они такие красивые, – выдыхаю я.

Райнер кивает за моей спиной.

– Ага. Это еще и сложно.

– Ты этим занимался? – спрашиваю я.

– Один раз, – говорит он. – Это было частью съемки для «Диких штучек».

⁵ Известный баскетбольный клуб.

Я помню «Дикие штучки». Кажется, фильм вышел, когда я была в шестом или седьмом классе. В фильме рассказывается про трех соревнующихся серферов. Райнер играл главную роль – парня, который получил травму за неделю до крупного соревнования. Все думали, что ему придется отсиживаться на берегу, но в последнюю минуту он изменил решение, бросился в воду и выиграл золото.

– Ты занимаешься серфингом? – спрашиваю я.

– Хотелось бы верить, что да, – говорит он. – Но на самом деле нет. – Он кладет руки на песок, ладонями вниз. – А ты?

Я качаю головой.

– Нет, но хочу. Все, что связано с океаном, меня очаровывает.

Я бы занялась серфингом в самый первый день здесь, если бы в контракте не было всей этой ерунды о том, что мне нельзя получать травмы, и о «запрете контактных видов спорта» во время съемок. Я спрашивала продюсеров, что именно значит «контактные виды спорта», но так и не получила ответа.

Ветер набирает силу, и я обхватываю себя руками. У меня вдруг появляются мурашки. Солнце спряталось за облаком, и температура будто упала градусов на двадцать.

– Держи, – говорит Райнер. Он принес серую хлопковую фуфайку и накидывает ее мне на плечи. Его рука касается обнаженной кожи. Его пальцы на миг там задерживаются, или это говорит мое воображение?

– Спасибо, – отвечаю я.

Он прочищает горло.

– Нет проблем.

Райнер упирается локтями в колени и вглядывается в воду.

– Здесь все кажется таким далеким, да? – произносит он.

Я просовываю руки в рукава его фуфайки.

– Ты о чем?

Он продолжает смотреть на океан.

– Перед этим ты спрашивала меня: странно ли, когда меня узнают? Странно, но не по той причине, о которой ты думаешь. А потому, что чувствуешь: такая жизнь постепенно становится для тебя нормой, и это... – Его голос прерывается. Когда Райнер снова говорит, голос мягче. – И это очень странная жизнь. – Он изучает меня. Его глаза изменились. Они каким-то образом кажутся темнее, мрачнее. В них больше глубины. – Я хочу, чтобы ты знала, что тебе не нужно проходить через все это в одиночестве. Не важно, что будет в дальнейшем; не важно, что может случиться – я всегда буду рядом. Обещаю.

Я чувствую, как сердце стучит у меня в груди. Готова поспорить, он тоже это чувствует.

– Спасибо, – говорю я.

Он продолжает смотреть на меня, и я думаю, что он скажет что-то еще, например о том, каково это – быть там, куда я постепенно двигаюсь. Там, где мы оказались вместе. Мгновение растягивается, и воздух словно застыл вокруг нас. Даже ветер затихает.

Но он ничего не говорит, и вскоре я следую за его взглядом и смотрю на воду. Один из виндсерферов особенно бросается мне в глаза. У него голубой парус, и он дальше, чем все остальные. Так далеко, что трудно понять, движется ли он. Я определяю это лишь по тому, что он становится меньше и меньше. К тому времени как мы встаем и идем обратно к машине, голубой парус кажется просто рябью на поверхности воды.

Глава 7

Я не плавала этим утром и сейчас слоняюсь по номеру все еще в пижаме, думая, конечно, о Райнере. Слушайте, я сомневаюсь, что нравлюсь ему. Нравлюсь в *этом* смысле. Я осознаю, что он настоящая кинозвезда, а я новичок. Но что-то из событий вчерашнего дня заставляет меня думать, что моя влюбленность не такая уж безосновательная. Да поможет мне Бог. Я точно одержима Райнером Девонем.

Громкий стук в дверь возвращает меня к реальности. Два удара костяшками пальцев. Когда я открываю дверь, за ней стоит Уайатт. Мой живот сразу втягивается, словно по нему кто-то ударил.

– Пэйдж, – произносит он. – Нам надо поговорить. – На нем футболка с *Sex Pistols* и черные штаны, а волосы торчат в разные стороны. – Проклятый ветер, – говорит он, замечая мой взгляд.

Он идет за мной на кухню, и я достаю несколько бутылок воды «Эвиан», которой люди, ответственные за наше питание, забили мой холодильник. Они спросили, что я ем, в мой первый день на съемках, и с тех пор в моем холодильнике и ящиках появляются капустный салат и крекеры с арахисовым маслом.

– Что ж... – говорю я. Мои руки трясутся так сильно, что я не могу открыть бутылку. – В чем дело?

Уайатт еще не был у меня, вообще ни разу. Иногда он ходит к Райнеру, но обычно только когда там Сэнди. Всё плохо. Я знаю.

Уайатт пихает мне что-то. Это его айпад. И на нем – зернистые фото нас с Райнером, снятые вчера, а теперь красующиеся на сайте таблоида.

Я вижу на снимках, как мы с Райнером едем с в кабриолете с откинутым верхом и держимся за руки в «Фиш Маркете». Как он накрывает меня фуфайкой на той смотровой площадке. Есть даже кадры, где мы так близко, что кажется, будто соприкасаемся лбами во время разговора. И в довершение всего – дурацкий заголовок: «ЗВЕЗДЫ „ЗАПЕРТЫХ“ УЖЕ НЕЖНИЧАЮТ».

Я вдруг замечаю полумесяцы на своей пижаме.

– Ой, – говорю я.

Уайатт поворачивается ко мне. Довольным он не выглядит.

– Вот именно. *Ой*. Не хочешь рассказать мне, что происходит?

– Ничего, – отвечаю я. – Эти фото просто вырваны из контекста, клянусь. Мы только исследовали остров... – Но я замолкаю, когда замечаю выражение лица Уайатта. Похоже, любое мое объяснение для него лишь отговорка.

– Плевать я хотел на то, что происходит в твоей личной жизни, – говорит он. – Но я не собираюсь смотреть, как мой фильм превращается в пепел, потому что вы не можете держать свои руки подальше друг от друга.

– Эй, – откликаюсь я. Гнев вспыхивает в моей груди. – Ничего такого и не было! Это не повлияло... не повлияет... Мы даже не... Райнер... – На самом деле я хочу спросить, почему он не обсуждает это с Райнером. Почему это все *моя* вина.

Уайатт поднимает руку.

– Ты, возможно, думаешь, что это всего-навсего фэнтези для подростков, но ты хоть представляешь, сколько времени, труда и внимания вложено в этот проект? Сколько сотен миллионов долларов? Карьеры скольких людей от него зависят?

– Я знаю... – начинаю я, но не могу продолжить. Грудь сдавило. Я боюсь, что разревусь.

Уайатт скользит по мне взглядом.

– Ты думаешь, я слишком строг к тебе, – говорит он. – Думаешь, я несправедлив. Задаешься вопросом, почему я пришел к тебе, а не к нему.

Я не моргаю. Он продолжает.

– Райнер такой, какой он есть, но ты только начинаешь. Ты многое не знаешь о том, как работает этот бизнес.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что, пусть он сын продюсера, зато у тебя есть реальный шанс стать *актрисой*. Сделай это правильно. Если не для себя, то уж точно для меня, потому что меня устроит только самое лучшее. Ты поняла?

– Да.

Уайатт снимает очки и наклоняет голову – так, как он делает, когда готовится к съемке сцены. Я знаю, что он сейчас представляет что-то, пытается найти лучший угол. Думает, как сделать сцену, которую пытается заснять, наиболее достоверной. Когда он снова говорит, его тон мягче – словно кусок пластика положили перед огнем, и он тает по краям.

– Ты же понимаешь, что дальше будет только хуже, – говорит он.

Я не отвечаю, лишь прячу руки в карманы своих пижамных штанов.

Уайатт берет бутылку «Эвиан» и прикладывает ко лбу, затем открывает и бросает крышку на стол.

– Я не думаю, что ты осознаешь всю ответственность.

– Осознаю, – возражаю я. Я сдерживаю слезы, потому что не хочу снова выслушивать это, только не сейчас.

– Покажи мне.

– Что? – Я изумленно смотрю на него.

У него безжалостный взгляд, точно такой же, как на съемочной площадке. Он бросает мне вызов.

– *Покажи мне, что понимаешь.*

Я хочу спросить как, но я знаю, что так будет только хуже. Я должна знать как. Я должна так *играть*.

– Покажу, – отвечаю я, уперев руки в бока.

– Такова твоя жизнь, – произносит он. Тон так же резок, но черты лица смягчились. – Как только ты даешь что-то миру, ты не можешь это забрать. Ты понимаешь меня?

– Да.

Уайатт делает еще один глоток и ставит «Эвиан» обратно на стол. Молча идет к двери, а потом оборачивается.

– Кажется, мы нашли нашего Эда, – говорит он. – Я приглашу его на пробы с тобой попозже на неделе.

Я открываю рот, чтобы что-то сказать, но ничего не выходит. Насколько я слышала, Эда не ждали на съемках вплоть до самого конца. С ним не так много сцен в первом фильме, и он не играет особой роли в первой книге, кроме как во флэшбеках. В основном появляется в начале и в самом конце.

Уайатт разглядывает меня.

– Посмотрим, как вы сойдетесь, но если не брать в расчет некие антипатии, – он бросает мимолетный взгляд на экран айпада, – Эд именно тот, кто нам нужен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.